

ПРОШЛОЕ БЕЗ БУДУЩЕГО

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Николай Федорович Челищев



Николай Федорович Челищев

*Все пройдет...! Но никогда
Не проходит без следа.*

ПРОШЛОЕ БЕЗ БУДУЩЕГО

(МОЯ РОДОСЛОВНАЯ)

Н. Ф. Челищев

ПРОШЛОЕ БЕЗ БУДУЩЕГО (МОЯ РОДОСЛОВНАЯ).

Предлагаемые вниманию читателя материалы к прошлому моих родителей и их предков открыли не только впечатляющие картины жизни отдельных семейств, но и панораму прошлого, где историческими персонажами выступали мои предки. Приведен альбом портретов и фотографий.



N. F. Tchelishcheff

THE PAST WITHOUT THE FUTURE (MY FAMILY TREE).

Suggested to attention of the reader materials to the past of my parents, and their ancestors have opened not only fascinating pictures of a life of separate families, but also a panorama of the past where my ancestors have acted as historical characters. The album of portraits and photos is resulted.

ISBN: 978-1-910181-16-4

Printed and Published 2015 by Anchorprint Group Limited
www.anchorprint.co.uk

Copyright © N. F. Tchelishcheff 2015

All rights reserved.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, transmitted or utilised in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording or otherwise, without written permission from the copyright holder.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В моем раннем детстве от благополучного, дореволюционного времени, в котором выросли и сформировались мои родители, ничего не осталось. Сохранилось только отношение к жизни, к людям, основанное на глубокой вере в Бога и постоянной благожелательности. Я так и вырос с детским ощущением, что существует враждебный внешний мир, и мягкий, любящий мир моих родителей. Все мое раннее, дошкольное детство в семье "лишенцев" запомнилось как скитания по российской глубинке, без электричества, без родственников, почти без контактов с другими людьми. Родители со мной гуляли, читали мне книги, водили в церковь, отмечали церковные праздники.

Позже в мою жизнь вошли другие родственники и знакомые моих родителей. Потом учеба, работа... отдалили меня от этой среды уцелевшей дворянской интеллигенции. Я было поглощено текущими делами, научной карьерой... и мало думало о прошлом. Сейчас я с сожалением вспоминаю, как мало слушал и как мало расспрашивал своих родителей и родственников о дореволюционной жизни.

Только уже в пенсионном возрасте я обратился к прошлому и стал восстанавливать сведения о своих предках. Неожиданно открылась увлекательная панорама истории России, персонажами которой оказались разные поколения моих предков. К счастью, сохранились семейные альбомы фотографий, стихи отца, воспоминания моей матери, тети Маши Бобринской (сестры отца)..., важным источником информации о прошлом стал Интернет.... Так мне удалось собрать достоверные сведения о своих предках, положенные в основу и подробных родословных таблиц, и комментариев, и альбома портретов и фотографий основных персонажей этого исследования.

СОДЕРЖАНИЕ:

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ. _____	4
О МОИХ РОДИТЕЛЯХ. _____	15
ПАОКОЛЕНИЕ МОИХ РОДИТЕЛЕЙ. _____	39
МОЯ РОДОСЛОВНАЯ. _____	48
РОДОСЛОВНЫЙ АЛЬБОМ. _____	73
ПОСЛЕСЛОВИЕ. _____	164

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ.

*Не важно, где жить,
Важно, чем жить!*

Детство - это уже жизнь! Родители - "лишенцы", кочевые, голодные и холодные, военные годы, жизнь без отца, частое отсутствие матери, добывавшей "хлеб насущный".... И все-таки от детства осталось особое чувство открытия Мира. В детстве мне много читали, водили в церковь, приглашали домой священника для причастия. Над моей кроватью висела картонная иконка Святого Серафима, кормящего медведя, потом появилась настоящая икона Николай Угодник. Однако после смерти отца в военном Владимире большая часть времени проходила в школе и на улице.

Когда мы с матерью после возвращения из эвакуации оказались в Подмоскowie, значительную часть времени я проводил в Москве у тети Маши Бобринской (сестры отца). Я любил слушать, как Коля Бобринский (мой двоюродный брат) читает на память стихи разных поэтов от Державина до Мандельштама. От Веры Петровны Комисаровой (мачехи моей матери) у меня несколько лет был постоянный пропуск во МХАТ. Но и опера мне нравилась. Я ходил и в Большой театр, и в Филиал, отстаивая ночные очереди за билетами. С возрастом интерес к театру угас. Из прочитанных в детстве книг стоит отметить "Два капитана" Каверина и северные рассказы Джека Лондона. Потом, уже студентом я пытался завербоваться в первую антарктическую экспедицию. В "Севморпути" мы встречались с самим Сомовым, но требования к участникам экспедиции были очень высоки.

У Бобринских в Трубниковском переулке постоянно жил кто-нибудь из неустroенных "бывших" (Трубецкие, Комаровские, Фудели...). Здесь толпились гости, шли не слишком лояльные разговоры, передавались неофициальные новости. Здесь существовала особая атмосфера доверия и доброжелательности. Конечно, и в этом кругу "бывших" имелись свои "скелеты в шкафу" вроде "Дульцинеи" Николая Алексеевича Бобринского, о которой тетя Маша долгое время не знала, или не хотела знать.

Когда я появился на свет, моему отцу было уже 54 года. Поэтому я оказался, как бы, между двух поколений. Во всей этой компании родственников и друзей я обычно оказывался самым молодым ("Коля маленький"). Коля Бобринский был старше меня на 6 лет, Коля Толстой -

на 3, среди братьев Трубецких только Готя был моим ровесником. Еще старше были братья Глебовы и Игорь Челищев, сын дяди Георгия, двоюродного брата и крестника моего отца. От этого времени мне досталась дружба с Сашей Воскресенским, Сергеем Тутуновым, Васей Шереметьевым..., которые все были значительно старше меня. Были и ровесники (Голицыны, Веселовские, Давыдовы, Мэйны, Перцевы, Чистяковы...), целое подростковое "дворянское собрание". Молодежь часто собиралась у Веселовских в Новогирееве, где можно было, и послушать, и поговорить, и поесть, и потанцевать. Как бы параллельно существовала повседневная студенческая жизнь. К сожалению, в дальнейшем я, как-то, выпал из этого круга "бывших". Но, то время оказало на меня несомненное благотворное влияние.

Мне часто повторяли: "Всегда помни, что ты сын своего отца, что ты Челищев, что ты должен быть требователен к себе, и снисходителен к другим...", ну и по мелочам тоже: "Не чавкай, не говори с полным ртом, не ставь локти на стол, подавай пальто, уступай место и дорогу...". Конечно, я - Челищев! Однако по типу лица и по характеру, наверное, я больше Грессер.

Казалось бы, жизнь меняет человека, но в основном я мало менялся с возрастом и сохранил некоторые основные установки, полученные в детстве. Конечно, это и Десять Заповедей! Но существовали и некоторые интуитивные стереотипы поведения неизвестно, откуда взявшиеся. У меня присутствует инстинктивное желание уступить (дорогу, место, вещь...). Мне трудно врать. Я стараюсь всегда говорить правду. Я никому не завидую и не подражаю, может быть, потому, что ощущаю непонятное внутреннее превосходство. Мне не важно, что обо мне говорят и думают другие. В отношениях с людьми я соблюдаю дистанцию. Может быть, поэтому у меня никогда не было серьезных врагов и особо близких друзей. Я никогда не вражду. Если человек мне неприятен, я стараюсь, не имеет с ним дело. Я не люблю расспрашивать, не прислушиваюсь к доносам и наговорам, и сам всегда говорю об отсутствующих только то, что могу сказать в глаза.

Я стараюсь сам не опаздывать, и не люблю, когда опаздывают другие. Я не люблю откладывать дела "на потом". Я привык действовать по плану, соблюдать режим дня. Праздное времяпрепровождение для меня не отдых, а досадная потеря времени. Развлечением может быть только конкретное занятие. Поэтому я не люблю фуршетов, тусовок..., где невозможно, ни серьезно поговорит, ни узнать что-то новое, ни подумать....

Однажды попробовав "затянуться" в своем военном детстве, я потом никогда не курил. Помня слова матери, я с детства знаю, что нельзя прикасаться к наркотикам, и никогда не имел желания "попробовать". Я избегаю потери контроля над собой от алкогольного опьянения, от головокружения на аттракционах, я никогда не кричу в ссорах. В обычных условиях я никогда не ем и не пью на улице, в метро, в кино. Меня раздражают люди, которые не могут обойтись без еды и питья лишний час....

В силу таких особенностей характера у меня почти не было трудностей в отношениях с людьми, хотя обычно не было и особой близости, и теплоты. Я никогда не участвовал в выяснении отношений, склоках, скандалах, тяжбах. Хотя, конечно, были и конкуренция, и зависть, и предательство....

Через всю жизнь прошла дружба с домашними животными. Во Владимире дворовый пес с утра ждал меня у дверей барака и провожал до школы. Потом, в Тарасовке был рыжий кот Гришка, взятый у таких же рыжих Червонских. Он ходил за мной с поднятым хвостом, как собака. Позже, по требованию дочери, появились любвеобильные спаниели, с которыми я и гулял, и спал, и охотился, и выставлялся. В Англии тоже не обошлось без собак. Здесь я понял особую прелесть мелких собак, общаясь с двумя йоркширскими терьерами.

Я окончил среднюю школу с серебряной медалью и имел возможность выбора будущей специальности. В сочинении была одна ошибка - "женьщина". Для меня, несмотря на литературные традиции семьи, получение гуманитарного образования в советском вузе было неприемлемо. Просто не приходило в голову, что можно профессионально заниматься историей, философией, литературой и другими строго идеологизированными дисциплинами в советских условиях. Мои сверстники, дети бывших, и я вместе с другими, стали геологами, химиками, нефтяниками, лесниками....

После окончания школы я по собственной инициативе выбирал между Московским геологоразведочным институтом и Геологическим факультетом МГУ, который перебирался на Ленинские горы. В 1952 году я без экзаменов поступил на геофизический факультет МГРИ, и стал постоянно жить у тети Маши, в Трубниковском переулке.

Попытка прописаться в Москве окончилась неудачно. Я пришел в военкомат со справкой о приеме в институт, чтобы встать на учет, необходимый для прописки. Но меня здесь сразу попытались затолкнуть на учебу в спецшколу МВД. Я оказался за столом наедине с бланком

заявления и ручкой. Это было, как удар молнии! Улучив момент, когда дежурный офицер отвлекся на нового посетителя, я выскользнул на улицу и вздохнул с облегчением. Реальная угроза оказаться "чекистом" была высока. Так я и оставался прописанным в Хотькове у матери еще лет десять.

Всех "медалистов", поступивших во МГРИ, отправили на лето в подшефный совхоз "Зарайский". Работа в совхозе стала прологом к студенческой жизни. Это была дружная и веселая компания. Юра Терешкович, тоже геофизик, привез с собой в совхоз радиолу и трофейный альбом пластинок Петра Лещенко. Эти песни до сих пор звучат в моей памяти. Только потом, много позже появились магнитофонные записи Вертинского, Рубашкина, Окуджавы, Галича, Высоцкого....

На нашем курсе геофизического факультета МГРИ поступления 1952 года отношение к учебе было серьезным. Никаких прогулов, списываний, шпаргалок! Программа обучения была интенсивной: 6 - 8 часов занятий в институте, включая субботу, и еще чертежи, проекты, курсовые работы, военная подготовка..., а потом зачеты, экзамены.

Мои студенческие годы прошли в центре Москвы, на Моховой. Я ходил пешком на лекции, и только в спортзал на волейбольную секцию ездил на метро. Потом я защищался и преподавал в МГУ, но студенческий мирок на Моховой остался незабываемым этапом моей жизни. Это небольшое здание, когда-то построенное специально для геологического факультета МГУ, сейчас превращено в музей. Все, кто здесь учился, помнят мраморный список погибших в Московском ополчении, уличный барометр, на котором стрелка всегда указывала "переменно", двухстороннюю лестницу с балконом в вестибюле....

Из окон библиотеки - вид на Манежную площадь и Кремль. От сюда мы наблюдали за движением лафета с телом Сталина при похоронах. Из боковых окон - вид на двор американского посольства, где постоянно кто-нибудь перебрасывал бейсбольный мяч. Рядом библиотека Общества испытателей природы и библиотека Ленина. Рядом Большой театр, Малый и МХАТ. Рядом Пушкинский музей и Манеж. Рядом ЦУМ и ГУМ. Рядом кафе "Националь" и "Коктейль Холл"....

В общем дворе с нашим институтом находился и 1-й Мед, и Филфак МГУ. Совместные вечера! Теснее смычка - горняк-медичка! Мой однокашник и приятель, Толя Ефимов уже на третьем курсе оказался женат на студентке Филфака. В Клубе МГУ читали свои стихи Ахмадулина, Вознесенский, Евтушенко, который на трибуне очень напоминал Гитлера, так же тарасил глаза и жестикулировал, только не

хватало усиков под носом. Там же шли спектакли самодеятельного студенческого театра. На пьесу Э. Радзинского "104 страницы про любовь" с Ией Савиной в главной роли ходила вся Москва. В этом спектакле была занята и студентка с моего курса Лена Михайлов.

Студентам-геологам полагалась специальная форма с пагонами, включавшая темно-синий костюм с медными пуговицами, шинель и фуражку. Но можно было придти на лекции в спортивном костюме и лыжных ботинках. В моей группе выплачивали 390 рублей стипендии с доплатой за отсутствие троек, на старших курсах еще больше (повышенная - 700 руб.). Эти деньги я приносил тете Маше, а она давала мне на карманные расходы 5 рублей в день. Проезд на троллейбусе от Скарятинского переулка до Манежа стоил 30 копеек. В студенческой столовой самое дорогое блюдо (бифштекс с жареной картошкой и яйцом) стоил рубль, остальные блюда - уже копейки. На столах свободно стоял хлеб и квашеная капуста. Сейчас много говорят о дефиците и, даже, голоде в пятидесятые годы, но я прекрасно помню витрины гастронома на Смоленской с окороками, колбасами, сырами, черной и красной икрой, банками крабов....

В мои студенческие годы пели некоторые малоизвестные песни военных лет, лагерную лирику, начиная с "Колымы", специальные геологические куплеты на известные мелодии. Особое место занимала "крымская" тематика. Для всех, кто получил советское геологическое образование, Крым - это вторая родина, где студенты-геологи МГРИ, МГУ, Нефтяного института... проходили после второго курса базовую геологическую практику, приближенную к полевым условиям. Именно в студенческих песнях рождалось упоительное чувство общности, причастности к коллективу.

Я два года проучился на геофизическом факультете, а потом оказался в переходной спецгруппе со сроком обучения 6 с половиной лет. Тогда все силы были брошены на создание атомной бомбы, и нужны были месторождения урана. В конце учебы от небольшого старого МГРИ, помещавшегося на Моховой в доме 12, корпус Ж, мало что осталось. Институт занял корпуса бывшего химфака МГУ. Значительную часть профессоров квартирами переманили на Ленинские Горы. Хрущевские реформы высшей школы коснулись и нашего института. Появилась большая группа великовозрастных студентов из расформированного Института восточных языков. Они внесли другую, богемную струю в спартанскую атмосферу старого МГРИ. Поменялось и

руководство, в которое пришли новые люди из переведенного в Красноярск Института цветных металлов и золота.

После первого и второго курса я летом ездил в Ильменский заповедник на Южном Урале около Миасса. Студенты бесплатно работали на расчистке копей, но за это собирали образцы минералов для музея МГРИ. Я даже нашел образцы гидротермального повеллита (молибденовый минерал), сделал доклад на минералогическом кружке, а потом подготовил статью, которую Н. И. Хитаров взял в журнал "Геохимия" (в краткие сообщения). Я тогда еще вел геологический кружок в Доме пионеров на Петровке. Из этого кружка во МГРИ поступили такие заметные в будущем люди, как Юра Диков и Шурик Портнов.

Студенческие годы прошли легко и незаметно, с летними практиками и сменами в альплагере, с горными лыжами зимой, с танцевальными вечерами, с веселыми попойками. В общежитии на Студенческой улице процветала игра в преферанс. Я, правда, больше смотрел, и бегал в гастроном за пивом, батонами и колбасой. Когда в нашей группе появились болгарские студенты, походы в ресторан "София" на площади Маяковского заменили кафе нам кафе "Националь" и пивбары на улице Горького. В "Софии" мы обмывали и победу нашего одноклассника, Игоря Немцова на чемпионате Москвы по боксу, используя выигранный им серебряный столовый сервиз.

Дипломную практику я проходил на урановом месторождении в Средней Азии. При руднике был "соцгород" - отдельные квартиры для шахтеров, короткая очередь на автомобиле, "московское" снабжение. Но и диагноза "лучевая болезнь" тогда не было, больных списывали по "силикозу". Мой начальник, Володя Рехарский, ученый секретарь ИГЕМ оставался на поверхности, а я работал под землей один, с погоризонтным планом и радиометром. В старых горных выработках местами радиоактивность была довольно высока за счет радона. Пальцы рук краснели от "урановой смолки". Эти работы продолжались чуть больше месяца, но я успел схватить приличную дозу. Потом мой проект "Разведка уранового месторождения Развилка на глубину" оставался образцом для нескольких поколений дипломников.

К счастью, я быстро понял, что делаю глупость, и в дальнейшем старался не иметь контактов с открытой радиоактивностью. Однако в 1959 году (через 2 года после взрыва) я вместе с К. А. Власовым оказался на Южном Урале в Кыштымской зоне радиоактивного загрязнения на месторождении Байовка. Выселенные деревни, поля, заросшие бурьяном высотой в человеческий рост, белые грибы на замшелых

тропинках между домами, кишащие рыбой озера..., и сливающийся в общий свист звук радиометра. Много позже, после аварии на Чернобыльской АС мне пришлось совершить поездки в "промзону" и мертвый город Припять....

После защиты диплома я сразу уехал в Бакуриани кататься на горных лыжах. Там проходили межвузовские соревнования. После возвращения, при получении документов и знака об окончании МГРИ, мне не выдали экзаменационного листа с оценками. Оказалось, что в деканате не удосужились просмотреть мою зачетку, дававшую право на красный диплом, за который я сражался все 6 лет. Но тогда это меня уже не волновало. Потом замдекана Конский (брат артиста) всегда смущенно отводил глаза при встрече со мной.

По распределению я попал во вновь созданные Институт минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов АН СССР, располагавшийся в самом центре Москвы на улице Куйбышева. Проблема редких элементов тогда только зарождалась, и Советский Союз достиг в этом направлении выдающихся достижений. Были открыты крупные месторождения, и началась их эксплуатация, создавался стратегический запас редких металлов.

Однако в результате горбачевской "перестройки" и ельцинской "демократизации" все эти научно-исследовательские, поисковые и разведочные работы были свернуты, а стратегический резерв продан за бесценок Соединенным Штатам Америки, вместе с запасами обогащенного урана. Сейчас Китай, посылавший своих студентов учиться в СССР, стал главным производителем редких металлов, необходимых для развития информационных технологий.

Я прошел путь от старшего лаборанта до заведующего отделом и всегда работал самостоятельно. Это были и полевые работы в разных уголках страны, и экспериментальные лабораторные исследования, и укрупненные опытно-промышленные испытания. Под моим начальством бывало более сотни сотрудников. Отношения с подчиненными всегда были ровными и дружескими. У меня не приживались только люди, которым приходится все повторять дважды. С начальством тоже не было проблем. Я всегда соблюдал субординацию, но никогда не заискивал. Мне доставляло удовольствие делиться знаниями, работать с аспирантами, преподавать студентам. Последние несколько лет я имел полставки профессора в МГУ, где читал собственный курс "Технологическая минералогия". В общем, была возможность реализоваться и в науке, и в преподавании!

Еще в студенческие годы, после производственной практики в Южной Якутии, я примкнул к группе "метасоматиков", сформировавшейся вокруг известного академика Д. С. Коржинского. В дальнейшем эта команда всегда принимала меня как своего, и постоянно поддерживала, особенно А. А. Маракушев (потом он сам стал академиком). Моим руководителем по кандидатской диссертации был "пегматитчик", член-корреспондент АН СССР К. А. Власов, директор ИМГРЭ, брат Председателя Верховного Совет РСФСР. Не удивительно, что под наш новый институт выделили здание на улице Куйбашева рядом с Торговой Палатой и ЦК.

Я продолжал ходить пешком из Трубниковского переулка по Арбату на работу к 9 часам утра, иногда по дороге выпивая чашку кофе со слоеным пирожком в кафе ПРАГА. Несколько раз мне случилось идти вдоль Александровского сада вслед за М. Суловым, рядом с которым шагал коренастый охранник с портфелем, а вдоль тротуара ехал ЗИЛ. Кончилось тем, что у меня однажды проверили документы.

Хрущевская "оттепель" существенно оживила жизнь. Появились новые интересы, желание развлекаться, одеваться. Пели меньше, но слушали записи Окуджавы, Галича..., позже с магнитофонов запел В. Высоцкий. Американская выставка в Сокольниках, Чешский пивной бар в парке Горького, записи Элвиса Пресли... оказались намного действенной советской пропаганды. В это время многие "взялись за перо". И я не избежал этого поветрия - пробовал писать и стихи, и прозу, но быстро остыл. Как и большинство "шестидесятников", я пережил увлечение Хемингуэем. Из русской классики мне ближе Толстой, чем Достоевский. Чехов мне интересен, но чем-то неприятен. В детских воспоминаниях остался Жуковский. Лермонтов кажется мне ближе Пушкина. Был интерес и к поэзии "Серебряного века" и к советским поэтам. Многие стихотворения Блок я помнил наизусть. Мне Цветаева ближе, чем Ахматова, Мандельштам - чем Пастернак. Мне нравились стихи Мартынова и Слуцкого. В прозе "Доктор Живаго" мне ближе, чем "Мастер и Маргарита". А. И. Солженицын остается для меня образцом и человеческого, и писательского мужества.

После женитьбы я, как молодой специалист, получил однокомнатную квартиру в академическом "самострое" на Можайском шоссе в подмосковном Кунцево. С этой квартирой мне помог Александр Борисович Македонский, главный архитектор Ленинского района Москвы, где находилась Академия Наук. Он когда-то сидел в лагере вместе с О. В. Волковым, отцом моего школьного товарища по Хотькову, Севы

Волкова. Отрабатывать необходимые часы на стройке мне помогал Вася Шереметьев, который в перерывах писал маслом портрет краповщика. В Кунцеве родилась моя дочь, которую назвали Ольгой, в честь бабушки. Это имя огорчило мою мать, т.к. она считала его несчастливым для нашего рода.

Директор ИМГРЭ К. А. Власов умер в 1964 году от инфаркта. Для нашего института это было бедствие. Часть сотрудников переселили в бывшую школу на Садовническую набережную у обводного канала, а главное здание отошло к ЦК КПСС. Но технический корпус, где у меня была лаборатория, продержался еще несколько лет. Позже для ИМГРЭ построили многоэтажное новое здание в Кунцеве на улице Вересаева. И мы поменяли квартиру на улице Чайковского, дом 18 (напротив американского посольства) на Крылатское, рядом с Загородной кремлевской больницей.

С новым директором, уральцем Л. Н. Овчинниковым, тоже членом-корреспондентом АН СССР, у меня сложились доверительные отношения. Я заинтересовался ионным обменом и защитил на эту тему докторскую диссертацию. Меня опять поддержали "матасоматики" и сам Д. С. Коржинский, который увидела в ионном обмене механизм своего "вполнеподвижного" поведения компонентов в открытых системах. Потом я выпустил книгу "Ионообменные свойства минералов", за которую получил премию им. Ферсмана АН СССР. Здесь впервые были приведены результаты изучения ионообменных свойств клиноптилолита из грузинского месторождения Дзегви, положившие начало широкому изучению свойств и областей применения цеолитов из туфогенно-осадочных месторождений СССР. Эта книга стала настольной для моих аспирантов.

Позже я продолжал заниматься изучением природных сорбентов (цеолитов, глин, слюд, океанических железомарганцевых конкреций...). Я побывал на месторождениях природных цеолитов Грузии, Армении, Закарпатье, Сибири, Болгарии, Кубы, США. За работы по природным цеолитам мне, в числе дружной команды единомышленников, досталась Государственная премия СССР (бывшая Сталинская). Дальнейшие мои работы были связаны с технологией переработки минерального сырья и защитой окружающей среды, в том числе и от радионуклидов....

Максимум в моей научной карьере пришелся на 1984 год, когда в Москве (в Хаммеровском центре) состоялся 27-й Международный геологический конгресс (девиз: "Mente et Malleo" - умом и молотком).

Молодому, по тогдашним меркам, профессору... был "всего" 50, и я оказался в центре внимания на заседаниях, где шли доклады по океаническим конкрециям и цеолитам. Были и позже многие знаковые события (выход из печати ряда книг по цеолитам и океаническим конкрециям, доклады на конференциях по природным цеолитам в Болгарии, Венгрии, Голландии и США...), но это уже было движение не вверх, а по горизонтали.

Многие годы я отбивался от заманивания в партию, особенно настойчивого перед защитой кандидатской и докторской диссертаций. В Высшей Аттестационной Комиссии тоже бывали грязные дела по лишению докторских степеней и профессорских званий евреев, подавших заявления на выезд в Израиль, но я никогда за них не брался. Позже были меркантильные резоны для вступления в партию, связанные с перспективой занятия административных должностей и выборами в Академию Наук. Был момент, когда Л. Н. Овчинников предложил мне стать заместителем директора. Оставалось только вступить в партию, но я не был готов к такому шагу и отказался. Саша Кременецкий, занявший тогда мое место, стал много позже директором ИМГРЭ. А я так и оставался на должности заведующего лабораторией, дважды безуспешно баллотировался в Академию и встретил перестройку беспартийным.

Мне трудно дается общение с людьми, к которым у меня нет интереса. Долгие годы я поддерживал отношения с некоторыми школьными и студенческими друзьями. Кроме учебы и работы была еще особая среда, связанная с жизнью у тети Маши в Трубниковском переулке. Сейчас я понимаю, что это было "другое измерение" со своими ценностями, со своими интересами, со своей атмосферой. Потом появилась пестрая компания, сложившаяся при молодежном, вечернем времяпрепровождении. У меня почти не было случайных связей с женщинами. Обычно бывали более или менее длительные увлечения. Но женщины не занимали большого места в моей повседневной жизни, и женился я не "по любви", а "как порядочный человек".

Многое было связано с альпинизмом и горными лыжами. Альпинизм - это не только восхождения, но и особая среда друзей-единомышленников. Вместе со студенческой жизнью альпинизм быстро закончился, а гонные лыжи остались. Я провел незабываемое время на заснеженных склонах, катаясь на горных лыжах. В Бакуриани и Закопане с Мишей Гохбергом мы не только катались на лыжах, но и прекрасно проводили свободное время. Одно время мы с ним

снимали комнату на Ленинских горах, где держали лыжи. Катались по вечерам, но это была и "хата", куда при случае приводили девиц. Потом возникли знакомства, связанные с охотой и собаками....

В моих друзьях, в Союзе и за границей, оставались коллеги по работе. Тут и "старшие товарищи" (А. С. Марфунин, Е. И. Семенов, Н. А. Солодов..., американец, профессор Мамптон...), и однолетки (Эрик Сендеров, Игорь Белицкий, Тимур Батиошвили..., болгары Георгий Киров и Граде Градев...). С аспирантами (Боря и Таня Беренштейн, Виталий Крюков, Валера Володин, Наташа Грибанова, Гоша Новиков..., кубинец Рейас, немец Фогт...) были дружеские отношения. В общении со студентами тоже всегда была непринужденная обстановка, и мы запросто беседовали после лекций. Но на экзаменах я всегда старался быть строгим и справедливым.

В советское время я исколесил территорию СССР от Карпат до Камчатки, от Туркмении до Кольского полуострова. Но и заграникомандировок хватало (Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Голландия, Китай, Куба, Монголия, Румыния, США, Финляндия, Чехословакия). Мне посчастливилось бывать в таких труднодоступных, безлюдных, удивительных местах, и в своей стране, и за рубежом, о существовании которых большинство людей даже и не подозревает. Если попробовать описать все это, наверняка, получится тошнотворная литературщина.

Подводя итоги, формально можно сказать, что жизнь удалась. На каждом этапе появлялись какие-то промежуточные цели и устремления. В школе - медаль, в институте - красный диплом. Потом - кандидатская, докторская, профессорство, выборы в Академию. И дальше - премии (академическая, государственная...). А в Англии - гранд от Фонда Макартуров, издание стихов отца и своих эссе.... Но все время присутствовало ощущение, что делаешь что-то не то, и не так. Моя дочь в Англии вышла замуж. И я остался в Лондоне, когда здесь уже не было серьезных дел, т.к. в новой России я оказался никому не нужен в еще большей степени.

Перед каждым рано или поздно возникает неизбежный вопрос: "Был ли смысл и, вообще, есть ли смысл в человеческой жизни?". Конечно, есть смысл для меня лично! Ведь жизнь прекрасна, со всеми ее радостями и горестями, надеждами и разочарованиями, встречами и расставаниями, общением и потерями. Но есть ли какой-то более глубокий, общий смысл человеческого существования? Религия готова

ответить на этот вопрос. Но готов ли современный человек удовлетвориться этим утешительным ответом?

Смерть - неизбежный элемент жизни! Обидно только, что вместе с человеком уходят его воспоминания о людях, о местах, о событиях..., теряются чувства, знания, навыки, умение, опыт....

О МОИХ РОДИТЕЛЯХ.

*Жизнь прожили люди те
В чистоте и в доброте.*

Я всегда хотел больше знать о прошлом, у которого мы все в долгу, т.к. многие годы от него отреклись. Для меня это прошлое (то, что было до моего собственного осознания мира) воплощается в моих родителях. Когда я появился на свет, моему отцу было 54 года, а матери 36. Мое рождение стало для них радостным событием. Это был голодный 1933 год. Социализм уже "победил" в деревне, и полным ходом шла Индустриализация. Мои родители были из "бывших" и плохо вписывались в советскую действительность.

Мой отец Федор Алексеевич Челищев родился в 1879 году в Москве. Челищевы - древний дворянский род, происходящий от Оттона IV, курфюрста Люнебургского, короля Германии, императора Римской Империи. Наш предок, Вильгельм Люнебургский прибыл из Германии в Новгород ко двору великого князя Александра Ярославовича (Невского) в 1237 году. Он стал боярином, принял православие под именем Леонтия, получил в кормлении город Горопец. (Европейская аристократия в то время ставила подданство выше национальной и религиозной принадлежности.) Его сын Карл (Андрей Леонтьевич), по прозвищу Чели'щ, дал начало Челищевым. Он имел пятерых сыновей, участвовавших в Ледовом побоище (двое были убиты). Внук Карла, Андрей Федорович, крестник великого князя Ивана Даниловича Калиты был женат на княжне Углицкой. Его сын, Михаил Андреевич Челищев (Бренко), ближний боярин и любимец великого князя Дмитрия Иоанновича, был убит в бою на Куликовом поле в 1380 году. Из летописей известно, что он был облачен в доспехи Дмитрия Донского, а князь рубился в одежде простого латника. Позднее среди Челищевых было много заметных и уважаемых людей. Они служили стольниками, воеводами, участвовали в Казанском, Половецком,

Азовском, Крымских и Польских походах, в войнах со Швецией и Турцией, в Отечественной войне 1812 года.

Мой дед Алексей Михайлович Челищев был богатым помещиком и хорошим хозяином. Он имел доходные земли в Тульской и Тамбовской губернии. Его отец М. Н. Челищев, тайный советник, гофмейстер, был женат на Екатерине Алексеевне (урожденной Хомяковой), которая надолго пережила своего мужа, была очень богата и отличалась многочисленными причудами. Так она однажды подарила сестре моего отца, Кате кобылу с жеребенком и велела кучеру ввести их по лестнице в залу на втором этаже господского дома. Младшие сестры получили в подарок овцу с ягненком и наседку с цыплятами.

Моя бабушка Ольга Алексеевна была младшей дочерью А. С. Хомякова, славянофила и поэта, и Е. М. Языковой, сестры поэта Н. М. Языкова. Хомяковы были в родстве с Киреевскими. Бабушка рано потеряла родителей. Опекунем младших детей был старший брат Дмитрий Алексеевич Хомяков. Он принимал активное участие в воспитании и устройстве своих многочисленных сестер и брата Николая, который стал впоследствии председателем 3-й Государственной Думы. Д. А. Хомяков умер в марте 1919 года в Москве. Его старшая сестра Мария Алексеевна, которая жила в Хомяковском доме на Собачьей площадке, умерла почти в тот же день, узнав о смерти брата.

Детские годы моего отца прошли в поместье Федяшево, под Тулой, купленном для моей бабушки в качестве приданого вдобавок к доходным имениям в Тульской и Симбирской губернии, доставшимся ей по наследству. Федяшево (произносилось - Федешо'во) было куплено у дочери Пушкина Марии Александровны после трагической смерти ее мужа барона Гартунга. Барон застрелился прямо в здании суда, обвиненный в подлоге, к которому он был совершенно непричастен. В доме от старых хозяев осталась библиотека и картины, в том числе и большой портрет Л. Н. Гартунга, написанный так, что барон все время смотрел на зрителя.

После женитьбы мой дед отказался от светского образа жизни, и Челищевы поселились в Федяшеве. Это была большая дружная семья: два брата и четыре сестры. Дом постоянно посещали родственники, знакомые, соседи. На фотографиях можно видеть конные прогулки, пикники. Когда сыновья пошли в Поливановскую гимназию, на зиму стали переезжать в собственный дом в Москве. После скоропостижной смерти моего деда все заботы о семье и о делах легли на бабушку Ольгу Алексеевну.

Мой отец прослушал полный курс историко-филологического факультета Московского университета, но отказался от диплома в знак протеста против пресечения студенческих волнений. Он работал в земстве, участвуя в создании сельских школ. Отец много путешествовал по Европе, знал языки, играл на виолончели и рояле, всю жизнь писал стихи "в стол". В 1912 году он уезжал на Балканы добровольцем под марш "Прощание славянки" и был санитаром в сербской армии. В годы первой Мировой войны отец тоже находился на фронте.

После ленинского Декрета о Земле поместье Федяшево было разграблено местными крестьянами, как и большинство других дворянских усадеб по всей России. Большевицкая экспроприация имения, вместе с мебелью, картинами, книгами, посудой, постельным бельем..., была проведена позже. Двухэтажный кирпичный дом с башней сохранился до сих пор. Сохранились и контуры парка с липовыми аллеями и прудами на двух уровнях.

В советское время мой отец дважды арестовывался. Первый раз - по спискам Всероссийского Церковного Собора. Отец был послан на Собор от мирян Тульской губернии. В то время он был хранителем музея своего деда А. С. Хомякова в селе Богучарово. Здесь до сих пор сохранился господский дом, превращенный в общежитие, и очень интересная церковь Сретенья Господня. После ареста отца музей и церковь были закрыты.

Это было время, когда легко расстреливали, но еще надолго не жажали. После освобождения в 1925 году мой отец был выслан из Москвы и жил в Сергиевом Посаде со своей матерью. Здесь в то время возникло скопление "бывших", и чекисты держали всех более или менее заметных людей под пристальным вниманием. Отсюда мой отец снова был арестован, полгода провел в Бутырской тюрьме, и был осужден по групповому делу митрополита Петра (Полянского) вместе с П. В. Истоминым и П. Б. Мансуровым. Из обвинения следует, что группа "...ставила своей задачей сплочение реакционно-монархических элементов вокруг церкви и направление ее, т.е. церкви, против советской власти..." (Статья 58-6,62,68 УК РСФСР). По решению Особого Совещания при Коллегии ОГПУ мой отец был сослан на 3 года в Усть-Куломский уезд Коми АО, но находился на поселении около 5 лет. Митрополит Петр, местоблюститель патриаршего престола после смерти патриарха Тихона, тоже был отправлен в ссылку, а в 1937 году снова арестован и расстрелян.

Девичья фамилия моей матери Грессер. Братья Грессеры (курляндские дворяне) прибыли в Россию из Германии при Петре I. Все они были военными, участвовали в Бородинском сражении (один из Грессеров командовал артиллерией у Багратиона), в войнах с Турцией. Дед моей матери Петр Аполлонович Груссер был боевым генералом, героем Плевны, а потом занимал важные государственные посты. В бытность П. А. Грессера градоначальником Петербурга, он предотвратил покушение на императора Александра III в марте 1887 года, когда пятеро террористов, в том числе А. И. Ульянов (брат В. И. Ленина) были казнены в Шлиссельбургской крепости. В. Дуров выступал в цирке с особым номером, где он выносил на сцену большой мешок, из которого вытаскивал сначала маленького поросенка и говорил: "Клайн", потом - побольше и говорил: "Гросс" и, наконец, - целую свинью и кричал: "Грессер!". Отец моей матери Александр Петрович был первым в семье Грессеров мужчиной, отказавшимся от военной карьеры, хотя и был выпущен из Пажеского корпуса офицером лейб-гвардии Конного полка. Но это не помешало ему стать добровольцем в начале Первой Мировой войны.

Моя мать Ольга Александровна Грессер родилась в 1897 году в поместье Ольгино, под Александровом, полученном ее прадедом по материнской линии Павлом Петровичем Чичериным в приданое при женитьбе на Ольге Павловне Голицыной, внучке фельдмаршала Румянцева, побочного сына императора Петра I. Афанасий Чичери - итальянский архитектор был приглашен в Россию еще при Иване III и участвовал в сооружении многих московских церквей, в том числе и в Кремле. Дед моей матери Сергей Павлович Чичерин был генерал-майором лейб-гвардии Конного полка. Он был женат на Александре Николаевне Кеммерер, известной петербургской балерине. Их дочь, моя бабушка Надежда Сергеевна (в замужестве Грессер), умерла при родах моей матери.

В возрасте 7 лет моя мать неожиданно оказалась в Англии, куда ее отправили с гувернанткой-англичанкой, когда ее отец решил повторно жениться. Потом она часто вспоминала, как мерзла зимой в холодном английском доме, где постель на ночь подогревали специальной грелкой, как играла вместе с мальчишками в футбол. У них в классе училась безрукая девочка, которая писала ногой. Мать любила рассказывать о посещении королевских конюшен. В Лондоне ее поразил огромный стеклянный инкубатор, в котором на глазах у всех прохожих вылуплялись цыплята.

В Россию моя мать возвращалась через предвоенную Европу с останками в Париже и Женеве. Она успела до Революции окончить гимназию и курсы иностранных языков, на основе которых возник позднее небезызвестный Институт им. М. Тореза. Её богатая мачеха Вера Петровна (урожденная Расторгуева, по отчиму - Комисарова) держала открытый дом в Москве на Сивцевом Вражке, где постоянно бывали актеры московских театров. Младший брат Веры Петровны стал в советское время довольно известным актером Художественного театра, и я не один год пользовался бесплатной контрамаркой для входа во МХАТ. Мать тоже выдержала вступительные экзамены в театральную школу-студию, но побоялась сказать об этом отцу.

По окончании языковых курсов моя мать начала преподавать в гимназии, но после Октябрьского переворота французский язык, как "буржуазный", был исключен из всех программ, и ее уволили. Она участвовала в возвращении из Елабуги в Москву большой группы московских детей, находившихся на отдыхе. В Гражданскую войну моя мать оказалась с Белой армией на Кавказе, окончила курсы медицинских сестер и участвовала в боях, а когда пришли красные, снова работала в госпитале по мобилизации. В Москву моя мать вернулась в разгар гонений на церковь. Она была арестована при разгроме Засимовой пустыни (под Сергиевым Посадом) и, также как отец, прошла через Бутырскую тюрьму, а потом попала в ссылку. Моя мать часто повторяла, что если бы не Революция, я бы не появился на свет. В дореволюционной России это были разные общественные круги: московские богатые и родовитые помещики Челищевы и питерские военные сановники Грессеры. Сейчас это уже трудно понять. В Энциклопедии Брокгауза и Эфрона статья о Челищевых не на много больше, чем статья о Грессерах.

Мои родители были знакомы еще по Сергиеву Посаду и поженились во Владимире, где они оказались, т.к. имели "минус" после ссылки. Это был ближайший к Москве город, в котором им разрешалось жить. Они оказались под надзором органов, должны были еженедельно лично отмечаться в милиции. Приходилось отбиваться от настойчивых попыток чекистов склонить поднадзорных к доносительству, сопровождавшихся заманиванием и запугиванием. Каждая поездка в Москву или Загорск была связана с риском ареста и нового срока. С фамилией Грессер было опасно жить в советской России, и моя мать после освобождения жила и выходила замуж под фамилией: Орлова.

Это были два одиноких, затравленных человека, лишившихся места в жизни, оказавшихся во враждебном окружении. Были утеряны жизненные перспективы. Невзгоды революционных лет и постоянное ожидание новых репрессий окрасили тревогой и болью чувства. Отец вернулся из ссылки в плохом физическом состоянии и едва не умер. Трудно сейчас понять, что их связывало: значительная разница в возрасте, разное воспитание, разные семейные традиции, разный темперамент. Но было и общее: глубокая религиозность, полное неприятие советского образа жизни. Позже появились друзья - Пазухины. Я их помню по военным годам во Владимире. Об этом советском времени Осип Мандельштам в 33-м году очень точно написал: "Мы живем, под собою не чуя страны...".

Злоключения послереволюционных лет с арестами и ссылкой отодвинули для отца время женитьбы за 50-летний возраст. На долгие советские годы время как бы остановилось, и жизнь превратилась в сплошное ожидание: то ареста, то освобождения из тюрьмы, то возвращения из ссылки...! Мои родители венчались с большими предосторожностями в чудом уцелевшей деревенской церкви под Владимиром. Никаких свадебных торжеств не было. Мать моего отца не смогла приехать во Владимир и прислала икону с благословением. Отец моей матери после Гражданской войны осел в Омске. Это было венчанье в пустой церкви вдвоем: без родителей, без родственников, без друзей, без зрителей. Такова была абсурдная реальность тогдашней жизни. Родители сняли маленькую комнату на окраине Владимира и жили в полной нищете. Но они были счастливы.

Не так просто было отказаться от соучастия в хорошо налаженной репрессивной системе, построенной по принципу воровской банды, где каждый должен быть замаран. К этому времени в стране сложилась многоуровневая партийно-советская номенклатура, полностью сосредоточившая в своих руках все рычаги управления жизнью людей. В советское общество из уголовного жаргона перекочевало слово "блат", сохранив старый смысл - принадлежность к привилегированной преступной группе, связанной круговой порукой. Иерархическая система всевозможных привилегий при распределении материальных благ поделила страну на "население" и "кадры", и привела к новому имущественному неравенству. Жизнь строилась по В. Маяковскому: "Тот, кто сегодня поет не с нами, - тот против нас!". Единомыслие контролировалось полным однообразием газетных статей и радиопередач, причисненных под партийную гребенку. Постоянно нужно было

подтверждать лояльность режиму: от чего-то отречься, кого-то осуждать, куда-то вступить.

Массовое "стукачество" насаждалось сверху, но и возникало снизу, как возможность свести счеты или выслужиться. Жесткий паспортный режим (с практикой особых милицейских отметок) и прописка поставили всё население страны в полную зависимость от органов. Аресты, ссылки, лагеря вошли в повседневную жизнь людей. Принадлежности к эксплуататорским классам, судимости по 58-й статье... было достаточно для лишения гражданских прав (одновременно с отказом в праве голоса имел место и запрет на профессии и на выбор места жительства). Мои родители тоже оказались "лишенцами".

Новая власть беззастенчиво искажала и искореняла память о прошлом. Наспех переписывалась история. Создавался миф об отсталой, нищей, кандалной царской России, доживший до наших дней. "Мудрая" сталинская национальная политика разделила страну по искусственным национально-административным границам, и в паспортах и анкетах появилась графа: "национальность". Обязательной настольной книгой стал сталинский "Краткий курс истории ВКП (б)", который штудировала вся страна. Специально для обслуживания советского режима были организованы "творческие союзы". Сразу после смерти был "канонизирован" Ленин. В безудержном восхвалении Сталина самозабвенно состязались поэты, писатели, композиторы, художники, кинематографисты....

Повсеместно закрывались церкви, а совершение церковных обрядов на дому каралось как уголовное преступление. Существовала широкая система "подкоммунивания". В угоду режиму была составлена коллекция новых советских имен (Владлен, Сталина ...и еще более причудливых). Большинство городов, улиц, предприятий, пароходов... было переименовано в честь революционных вождей и событий. Массовое обнищание населения и скученность жизни на долгие годы вошли в повседневный советский быт. Тут же и широкое пьянство, державшееся на самогоне, и мат, полностью неприемлемый для моих родителей. Матом широко пользовалась не только пролетарская часть населения, но и начальники всех уровней. Да и в советских "интеллигентских кругах" матерщина большинством воспринималась как милая экстравагантность.

Это была настоящая внутренняя эмиграция (эмигрировать за границу было уже невозможно). За отказ от соучастия в преступлениях режима приходилось платить дорогой ценой нищеты и бесправия. Но

на этом продержалась и, в какой-то степени, нравственно сохранилась та часть дворянской интеллигенции, которая осталась в России и пережила годы красного террора. Были, конечно, и те немногие, кто примкнул к большевикам. Дальний родственник моей матери Г. В. Чичерин был первым советским наркомом иностранных дел (он умер своей смертью, не дожив до показательных процессов).

Меня поражает стойкость и оптимизм этих людей, попавших из Серебряного Века прямо под "Красное Колесо". Настало время, когда порядочные люди мало говорили и еще меньше писали. Надежды на неизвестных подвижников, которые пишут "в стол", на поверку оказались сильно преувеличенными (возможно, многое не сохранилось). И я счастлив, что стихи моего отца уцелели в его кочевой, бездомной жизни. Эти стихи, не рассчитанные на публикацию, помогают лучше понять наше прошлое, и, может быть, сохранить какие-то нравственные ценности, которым сейчас грозит полное забвение.

Я родился в Муроме, под Владимиром 9 июня 1933 года. Меня крестил священник, отец Сергей (Сидоров), позднее погибший в лагере. Это было тяжелое время. Мои родители оказались в Муроме без средств к существованию и даже без хлебных карточек. Они жили с временной пропиской под присмотром органов. По современным представлениям это была глубокая нищета и полное бесправие. Жизненные невзгоды стали беспокоить отца после моего появления на свет. Как лишенцу, ему долгое время не удавалось получить работу. Он подрабатывал уроками и черчением. Но этого было недостаточно для существования семьи. Чтобы меня накормить, приходилось сдавать остатки фамильного серебра в ТОРГСИН

Была фотография: в санках, плетеных из ивовых прутьев, сидит серьезный круглолицый младенец - я, а рядом стоит высокая, очень худая женщина с сияющими глазами - моя мать. Через 40 с лишним лет я зимой приехал в Муром за копией свидетельства о рождении и с удивлением увидел на заснеженных улицах города высокие плетеные санки моего раннего детства. Но первые воспоминания остались от времени, когда мы жили в селе Норском на Волге, под Ярославлем. Я до сих пор помню запах просмоленных лодок на берегу. Там в речке Норке когда-то прятал свои разбойничьи челны Степан Разин, а мои родители благополучно пережили пору массовых репрессий 30-х годов. В это горячее время аппаратных чисток у чекистов реже доходили руки до бывших, им хватало "врагов народа" из всех слоев населения, включая и советские "кадры".

Отец ходил через замерзшую Волгу пешком в Затон, где он за гроши работал библиотекарем (летом была лодочная переправа). Мать работала в медпункте при ткацкой фабрике, и каждое утро затемно катила меня на санках по заснеженной пятикилометровой дороге в ясли. Сохранились в памяти бледные люди в черных ватниках на расчистке зимней дороги - заключенные, и охрана с винтовками в огромных овечьих тулупах. Запомнилась панорама грандиозной драки между Норским и Затоном в масленицу на льду Волги. С обеих сторон участвовало несколько сот человек. Дрались стальными прутьями, стреляли из самоделок, убитых сталкивали в прорубь. Это были настоящие боевые действия. Милиция не решалась вмешиваться.

Летние воспоминания более приятные: цветник и кусты сирени перед окном, причастие на дому у старичка-священника, прогулка по лесу на спине у отца, ярмарка с каруселями и качелями по случаю местного престольного праздника Всех Святых, который советские власти терпели под видом "Праздника Урожая". Но тут же и детский ужас от убийцы-Кривошеина, который зарубил свою жену и бегал в хмельном угаре по деревне с топором, пока его не подстрелил милиционер, и страшный ночной пожар дома, где мои родители снимали комнату. Отец вынес меня сонного на руках, но всё наше небогатое имущество сгорело.

Поездку в Москву на разведку я уже хорошо запомнил. Это было лето 1939 года. Мы долго шли через лес к железнодорожной станции, чтобы доехать до Ярославля. В помещении вокзала не было свободных мест, и меня отец посадил на наш чемодан. Ярославский поезд приходил в Москву ночью, и я был поражен обилием разноцветных железнодорожных огней на подъездных путях.

В Москве мы остановились у Бобринских, в семье сестры моего отца, тети Маши. Ее муж, двоюродный брат отца, известный зоолог Н. А. Бобринский, бывший граф, бывший офицер, уцелел только потому, что 20-е годы провел в Ташкенте. Ко времени нашего приезда в Москву из всех сестер отца в живых осталась только тетя Маша. Другие родственники также не миновали лагерей и ссылок. Дядя Миша Челищев, двоюродный брат и крестник отца, отсидел, отжил на поселении и умер в "целинном" Казахстане. Тетя Катя Стахова (Е. Н. Челищева), двоюродная сестра отца, прошла через джезказганские лагеря, ссылку и так никогда и не выбралась из опостылевшей Караганды. Многие другие родственники оказались в эмиграции.

Проснувшись рано утром в коммунальной квартире на Трубниковском переулке, я вдруг услышал бой часов Спасской башни. Потом я увидел Кремль из чердачного окна семиэтажного дома, куда меня привел двоюродный брат Коля. День начинался под шум примусов на общей кухне. Мы ходили с Колей за керосином в лавку на Малой Молчановке. Первое мое знакомство с электричеством закончилось перегоранием пробок, когда я вставил кусок изогнутой проволоки в штепсельную розетку.

Это еще была старая Москва моих родителей. Еще существовала Собачья площадка с Хомяковским домом, где после закрытия Музея 40-х годов располагалось Гнесинское музыкальное училище. (Позже по команде безнадежно темного Хрущева этот замечательный уголок старой Москвы был снесен под прокладку Нового Арбата.) Еще сохранились в памяти названия улиц Пречистенки с Остоженкой, где в разные годы жили и учились мои родители. Еще ходил трамвай по Никитской улице, по Охотному ряду и через Красную площадь. Но уже взорвали храм Христа-Спасителя и прорубили Садовое кольцо. Социализм наступал по всему фронту.

Естественно, что в советской Москве не нашлось места для моих родителей. Всё было занято "детьми Арбата". Через год мы переехали в Мытищи под Москвой. Мои родители сняли маленькую комнату в ветхой пригородной даче. Отец получил временную работу в Институте истории, философии и литературы (ИФЛИ) в Москве, а мать работала медсестрой в Мытищах. Меня устроили в детский сад. Не за горами была страшная война. Но кто мог об этом знать?

Новый 1941 год мы встречали в холодной мытищинской комнате вареной картошкой с солеными огурцами и чаем со слипшимися кофейными леденцами. Предвоенное "изобилие", о котором любят вспоминать "старые большевики", было только для них - в закрытых распределителях, количество которых во время войны еще увеличилось. Для нас же впереди были долгие голодные и холодные военные годы. Мы с отцом вырыли щель в огороде на случай бомбежек, и мать ставила туда молоко. В первый же большой налет я полез в укрытие и разбил банку с молоком.

Перед отъездом во Владимир мы недолго жили у Бобринских в Трубниковском переулке. Над городом висели заградительные аэростаты. Каждый вечер звучали сигналы воздушной тревоги, бухали зенитки. Мальчишки собирали осколки от зенитных снарядов. Первое время при налетах мы прятались в метро на Смоленской площади, но

вскоре стали оставаться дома. Я помню страшный ночной взрыв поблизости. Потом говорили, что бомба угодила в здание театра Вахтангова на Арбате.

Это было время осеннего немецкого наступления. В середине октября Москва опустела. Бежала партийная и советская власть всех уровней, бежали жирные снабженцы. Склады и магазины были разграблены. Из распахнутых окон учреждений ветер разносил золу и обрывки документов. На помойках громоздились кучи красных томов сочинений Ленина. Тут же валялись и портреты вождей в тяжелых, позолоченных рамах.

Тогда в ополчение ушли многие тысячи москвичей, в основном - интеллигенция (пожилые профессора вместе с безусыми студентами и школьниками - одна винтовка на троих). И почти все они погибли "без пользы, зазря" на подступах к Москве. На стене каждого московского вуза можно видеть мемориальную доску со списком погибших. А сколько без вести пропавших прошло мимо всех списков? При миллионе убитых и еще миллионе пропавших без вести в битве за Москву, Московское ополчение, это - мелкий эпизод. Но, наверное, это - один из самых трагических эпизодов страшной войны.

В осадной Москве 41 года отец по ночам дежурил на крыше дома в Трубниковском переулке. Дежурства были рассчитаны на то, чтобы сбрасывать на землю зажигательные бомбы при немецких налетах, и носили символический характер. Иногда удавалось пробраться на крышу и мне. В свете прожекторов и вспышек зенитных орудий с крыши открывалась панорама центра Москвы с потушенными кремлевскими звездами и многочисленными церковными куполами без крестов. Скоро война заставит Сталина обратить благосклонное внимание на религию. И начнут понемногу открывать церкви, и пойдут торжественные молебны за победу, такие же регулярные, как салюты за взятие городов.

После авиационных налетов на Москву и осеннего немецкого наступления возникла угроза, что меня могут эвакуировать отдельно от родителей. Поэтому мать со мной, налегке срочно перебралась в Доброе Село под Владимиром. Отец с вещами ехал позже. В Петушках его обворовала случайная женщина, которую он попросил покараулить вещи на автобусной остановке. Пока отец ходил за угол в магазин, чтобы отоварить продуктовую карточку, "милая" женщина исчезла вместе с его вещами. Так он и появился перед нами, обескураженный, с кульком "подушечек" в руках.

Была и утешительная новость - отцу, наконец, выдали новый, бес-срочный паспорт. Кто тогда мог подумать, что ему было суждено прожить с вождеденным "чистым" паспортом всего три месяца? Мать продолжала жить со старым паспортом, где стояла отметка о судимости. В начале войны были даны некоторые послабления, но она боялась обращаться в милицию для обмена паспорта из-за своей немецкой девичьей фамилии.

В "Добром Селе" славные колхознички очень быстро отобрали у нас то немнoгое, что еще осталось: медный самовар - за мешочек гороха, перьевые подушки - за свиные почки, обручальное кольцо матери - за мешок картошки. Сельская школа не работала, и я не смог начать учиться. К зиме нам удалось перебраться на окраину Владимира. Это были деревянные бараки на Московском шоссе. Круглые сутки мимо дома шли два встречных потока: беженцы - на Восток, новобранцы - на Запад. Стояли суровые Крещенские морозы. Во дворе постоянно останавливались машины, у костров толпились люди. По ночам отсветы пламени освещали наш двор.

Дневной свет почти не проникал в нашу маленькую комнату через полностью обмерзшее окно. В комнате была печка, но с дровами было очень трудно. Мать работала две смены в психбольнице, а отец каждое утро отправлялся на поиски топлива. Однажды он вернулся весь покрытый морозным инеем с большой вязанкой досок, выломанных из старой плотины. Запылал огонь в печке, и в комнате скоро стало тепло. Ночью отец умер от сердечного приступа на 62 году жизни. Был январь 1942-го. Отца похоронили на кладбище под стенами печально известной Владимирской тюрьмы. Десять лет назад здесь кончался город, и именно здесь мои родители, сидя на кладбищенской ограде, решили пожениться. Я долго не мог осознать, что отец умер. Он приходил ко мне во сне, я говорил с ним.

Это была тяжелая зима. Морозы не ослабевали. Немцев остановили под Москвой. Из черной бумажной тарелки громкоговорителя целыми днями гремело: "Пусть ярость благородная вскипает как вола. Идет Война Народная, Священная Война... ". (Недавно я с удивлением узнал, что и музыка, и слова были позаимствованы из 1914 года.) Шли разговоры о "сибирских" дивизиях и Рокоссовском, о частях НКВД... На задах нашего двора начиналась товарная железнодорожная станция. Скоро пришел первый эшелон с пленными. Ночью немцы разбежались из промерзших теплушек и стучались под дверями барачков, но

никто не открыл. Утром я увидел труп замерзшего немецкого солдата в сугробе перед домом.

Главными нашими врагами в ту зиму были голод, холод и вши. Подсолнечный жмых казался много вкусней довоенной халвы. Мы затирали числа на карточках и забирали хлеб на декаду вперед. В конце каждого месяца приходилось жить совсем без хлеба. Я изнывал и опухал от голода. Мать сдавала кровь и скармливала мне паек, который полагался донорам.

Весной я посадил на могиле отца маленький клен, принесенный из леса. Мои военные годы во Владимире прошли в беспризорной среде обитателей барачков с матом, курением, драками, мелким воровством. Но остались в памяти и походы в лес за черникой, и ночная рыбалка на Клязьме, и помидорная грядка под окном. Когда я с женой и дочерью приехал во Владимир много лет спустя, все кладбище заросло кленами. Могилы отца не было....

Мои родители - печальный пример полной не востребоваемости репрессированной дворянской интеллигенции в советское время. Этих высоко нравственных и образованных людей исключили из жизни. Даже преподавание в школе было запрещено для лишенцев. Отец подрабатывал черчением, был библиотекарем и только в 40 - 41 годах несколько месяцев проработал младшим научным сотрудником в ИФЛИ, где он занимался разборкой архива. Мать всю жизнь так и оставалась медсестрой без диплома, с окладом санитарки (белогвардейская справка об окончании курсов медсестер была сожжена при приходе красных). Профессиональное знание иностранных языков пригодилось матери только после войны, когда она начала давать частные уроки детям ответственных работников. Платой за это были недоеденные продукты из обильных кремлевских пайков.

Дворянская интеллигенция избежала революционной "чумы" начала 20-го столетия, а после Революции не пошла на поклон к большевикам. Октябрьский переворот, безжалостно снесший этот культурный слой, резко отдалил Россию от остальной Европы. Разночинная и еврейская интеллигенция, поддержавшая большевиков, своими знаниями и талантами долгие годы обслуживала, укрепляла, прославляла и покрывала советский режим. За это многим "попутчикам" пришлось расплатиться жизнью или свободой. В этом смысле можно сказать, что и О. Мандельштам, один из моих любимых поэтов, заплатил жизнью за свое юношеское увлечение марксизмом и за свой зрелый отказ

от прошлого. Диссидентское движение 60-х годов стало результатом запоздалого "прозрения".

Созданный в советское время по партийному и классовому принципу слой "выдвиженцев", образовавший новую техническую и идеологическую интеллигенцию, а также красную профессуру, в основном состоял из интеллигентов в первом поколении, лишенных культурных и нравственных корней. Из этой среды формировался директорский корпус, руководивший промышленностью, и набиралась научно-партийная номенклатура, осуществлявшая руководство Академией Наук, отраслевой наукой и высшей школой, а также учреждениями информации и культуры. Долгие годы шла кропотливая партийная селекция руководящих кадров на всех уровнях. Отсекалось все независимое, инициативное, незаурядное, талантливое и просто честное. Именно в этом я вижу одну из главных причин всеобщей нравственной деградации советского времени.

Значительная часть жизни моего отца прошла до Революции. Имя отца еще попало в родословную рода Челищевых (Родословный сборник Руммеля, том II, стр. 676, 1887 г.). Он был введен во владение значительной частью недвижимости, принадлежавшей семье Челищевых, и включавшей доходные имения и поместье Федяшево.

Отец был подлинно русским и православным человеком, он любил Россию, ценил русскую историю, русскую культуру, российскую государственность. Особое значение для отца с самого раннего детства имело православие, и как религия, и как элемент культуры, и как образ жизни. Но у него не было обостренного чувства национальной принадлежности. Отца коробило от "фольклорности" с полупьяной гармошкой и полупохабной частушкой.

Старая Россия не устояла в пору политических и военных потрясений начала двадцатого столетия. Поспешное вступление в войну с Германией было роковой ошибкой. "Абсолютная" монархия была слишком слаба, чтобы успешно вести широкомасштабную, затяжную войну (это показала еще Крымская кампания и война с Японией). Двор не контролировал ресурсы страны, транспорт, прессу, общественное мнение.... Царской семье не удавалось даже надежно защитить себя и своих министров от многочисленных террористов. Достаточно вспомнить кровавый список жертв террора, включавший Александра II, Столыпина и многих других выдающихся людей России.

Октябрьский переворот дотла уничтожил жизненный уклад, в котором вырос и сформировался мой отец. Была бесцеремонно разорвана

преемственность времен. Стихотворения, написанные отцом в после-революционные годы, отражают весь трагизм поколения дворянской интеллигенции, сформировавшегося на идеалах Серебряного Века, и не готового принять ни большевистские лозунги, ни советский образ жизни. Это поколение было либо уничтожено физически, либо вытеснено в эмиграцию, либо репрессировано и обречено на молчание и бездействие советской системой.

Злоключения российской интеллигенции в послереволюционные годы хорошо описаны Б. Пастернаком в "Докторе Живаго". Но у Пастернака был другой, более благополучный жизненный опыт "попутчика". Он не сидел, не бедствовал и быстро нашел свою "экологическую нишу", конформную с советской действительностью, давшую ему возможность печататься и дачу в поселке советских писателей Переделкино. Скандал с Нобелевской премией имел личную подоплеку - зависть всемогущего М. Шолохова и других "классиков", которые натравили на Пастернака Н. Хрущева. (Это понимали и функционеры из Нобелевского комитета, спешно присудившие очередную премию Шолохову.) Я не случайно вспомнил здесь о Б. Пастернаке. Есть что-то общее в литературной судьбе доктора Живаго и жизни моего отца.

После отца не осталось никаких памятных вещей, только две тетрадки стихотворений. Эти стихи никогда не публиковались, если не считать двух стихотворений, напечатанных в русскоязычной парижской газете "Русская мысль" в 1989 году. Здесь же была помещена краткая биография Ф. А. Челищева, грешащая рядом неточностей. Сами стихотворения также содержат пропуски и ошибки (вероятно, восстанавливались по памяти). Мне ничего не известно об источнике этой неожиданной публикации.

Исторические эпохи не подчиняются солнечному календарю. Вот и 20-й век для России начался с Великой войны 1914 года. Мой отец участвовал в боях как санитар в Западной армии, а при Временном правительстве был мобилизован в артиллерию. От тяжелых военных лет стихов не осталось.

Отец вернулся с фронта уже после Революции и разграбления Федяшева. Из дома было вынесено все, кроме книг. Самое горькое чувство осталось от угона верховых лошадей, к которым вся семья была очень привязана. Потом удалось случайно найти и выкупить только одного скакового жеребца по кличке Барс. Когда его нашли, он был заезжен и опоен, и радостно заржал, узнав старых хозяев. Его сдали в конюшню конного завода (тогда уже совхоза) в Шульгино. Остальные

верховые лошади так и были заезжены и загублены в оглоблях. Бабушка была удручена тем, что местные крестьяне, с которыми дружно жили бок обок не один десяток лет, в одночасье превратились в воров и погромщиков.

Приведу смешной случай, рассказанный тетей Машей по этому поводу. Во время разграбления усадьбы один местный крестьянин прибежал последним, и видит, что брать уже нечего. Остались только два высоких венецианских зеркала при парадной лестнице на второй этаж. Стал он их вынимать. Одно сразу разбилось, а второе они с женой унесли в деревню. На другое утро прибегает этот крестьянин и бухается в ноги к моей бабушке: "Барыня Ольга Алексеевна, прости ради Бога! Бес попутал!". Оказалось, что зеркало не поместилось в избу, и мужик поставил его в крытый двор к скотине. Там потолка не было, и зеркало как раз встало под самый конек крыши. Утром корова проснулась, увидела себя в зеркале и боднула рогом. Зеркало разбилось, большой осколок вонзился корове в шею, и ее пришлось резать. Этот эпизод символичен: "Бес попутал" не только этого крестьянина, но и всю Россию.

После погрома оставаться в Федяшеве было небезопасно, и бабушку Ольгу Алексеевну перевезли в другое имение - Шульгино. Но здесь было неспокойно. Пришлось еще раз переезжать - в Заглухино (именно сестры моего отца тети Кати). Однако вскоре и из Заглухина также пришлось поспешно уезжать. А тетя Катя собрала подростков-гимназистов, сама взяла в руки двустволку и прогнала погромщиков. В тот же день ее арестовали чекисты из Тулы. В тюрьме она подверглась страшным издевательствам и сошла с ума.

В это беспокойное время удалось взять под охрану как музей поместье А. С. Хомякова в Богучарове, и отец стал хранителем этого музея. Шли годы красного террора. Привычный жизненный уклад был полностью разрушен: отбирались помещичьи усадьбы, закрывались церкви, ссылались священники.... Отец участвовал в работе Всероссийского Церковного Собора, где было восстановлено Патриаршество (упраздненное Петром I) и избран Патриарх Тихон, категорически отказавшийся сотрудничать с большевиками и осудивший изъятие обрядных церковных ценностей.

При конфискации ценностей из церкви в Богучарове крестьяне пытались оказать сопротивление, исполняя запрет патриарха Тихона. И тогда отец предложил внести фамильное серебро вместо церковной утвари, но это не помогло. Чекисты увезли в Тулу и столовое серебро,

и церковные ценности. Вскоре после этого инцидента отец был арестован, а музей и церковь - закрыты.

Истоки веры в Бога отец находил в опыте счастливого раннего детства. В свои детские и юношеские годы он был окружен глубоко верующими людьми. Весь жизненный уклад того времени естественно включал и домашнюю молитву, и стояние на церковной службе. У меня у самого сохранились радостные детские воспоминания от многократного посещения церкви и причастия.

Для отца Церковь - не пышная бутафория и не орудие манипулирования верующими, а место, где человек общается с Богом. И никакой священник, присланный с Лубянки, не властен, вмешаться в это общение. Вера в Бога была естественной и искренней, без показного благочестия, без оглядки и без скепсиса. В моих детских воспоминаниях сохранилась праздничная, радостная атмосфера Рождества, которую умели создать мои родители наперекор нашей голодной и холодной повседневной жизни.

Репрессивному режиму и его безропотным пособникам церковь мешала. Она ставила нравственные преграды. Массовое духовное самоуничтожение советского общества сопровождалось закрытием, разграблением и разрушением церквей. В эти тяжелые годы отец находил опору в вере. Еще жила надежда, что не все потеряно, что жизнь еще вернется в старое, дореволюционное русло. Я думаю, что такая надежда еще теплилась у многих людей в то смутное время; и не только у тех, кто остался в России, но и у тех, кто ждал в эмиграции и надеялся на возвращение. Многие русские эмигранты перебрались из Парижа в Прагу, чтобы быть поближе к России. Теперь-то мы знаем, что этим наивным надеждам не суждено было сбыться.

В 20-е годы в Сергиевом Посаде (Загорске) собрались разгромленные московские аристократические семьи (Голицыны, Истомины, Комаровские, Самарины, Трубецкие, Шаховские, Шереметевы...). Отсюда многие были арестованы. Челищевы также оказались в Сергиевом Посаде после закрытия музея в Богучарове и первого ареста отца.

Мой отец был "взят" из Сергиева Посада как "повторник" зимой 1925 года по большому "церковному" делу, возбужденному Лубянкой после гибели Патриарха Тихона, которого отец знал лично. Многолюдные похороны Патриарха встревожили большевиков. Гонения на церковь возобновились с новой силой. Тюремные камеры стали наполняться священниками, верующими и даже церковными нищими.

В это же время при разгроме Засимовой пустыни (под Сергиевым Посадом) была арестована моя мать. Она потом вспоминала, как ей не давали спать в камере по ночам (яркий свет, охранник у глазка) и как допрашивали под горячими лучами лампы, направленной в глаза. Следовательно нужны были имена, которых мать не знала.

Сразу после войны (в 1945 - 46 годах) я жил у тети Маши в Трубниковском переулке и имел прозвище "Коля Верхний" по тому случаю, что спал на плательном шкафу. Здесь же тогда жили братья Трубецкие, вернувшиеся с войны с орденами и ранениями (Андрей, Володя, потерявший ногу на фронте, и Сережа). Их родители и старшие дети (брат и две сестры-красавицы) тоже были арестованы в Сергиевом Посаде. Младших детей разобрали родственники. Через 30 лет из лагерей вернулся один изможденный и совершенно больной Гриша. Ему во время ареста было всего 14. А в 1949 году арестовали Андрея, который освободился только после смерти Сталина.

В 20-е годы из Бутырской тюрьмы для политического заключенного было три пути: под расстрел, на Соловки или в ссылку. На свободу пути уже не было. Но и огромные, на всю жизнь, "срока" еще не вошли в повседневную практику органов (проще было расстрелять). Еще не хватало концлагерей, и еще не успели додуматься до сооружения руками заключенных Беломоро-Балтийского канала и других "Великих Строек". Поэтому еще не брали по разнарядке сверху, как рабочую силу, и не было еще экономического резона в больших сроках.

Отцу досталась ссылка в Зырянский край. Я думаю, что это спасло ему жизнь. На Соловках погибли многие представители дворянской интеллигенции. Я почти ничего не знаю об этом периоде жизни моего отца. Сохранилось несколько стихотворений от этого времени с подписью "Мыс" - название села в верховьях Камы.

После ссылки отец уже не смог вернуться в Сергиев Посад. Здесь умерла его мать, которую он очень любил. Отец по телеграмме приехал из Владимира, чтобы попрощаться с матерью, но опоздал.

Бабушка Ольга Алексеевна прожила долгую и нелегкую жизнь. Она пережила мужа, четверых детей, многих родных и близких людей. На ее глазах перестала существовать старая Россия, с которой была связана вся ее жизнь. Бабушка Ольга Алексеевна умерла в наемной комнате, в одиночестве и нищете. До последнего дня она сохранила глубокую веру в Бога и надежду на счастливое будущее своих оставшихся детей и внуков.

Отец через всю свою многотрудную жизнь пронес счастливые воспоминания о прошлой, дореволюционной жизни. Это был узкий круг многократно породненных дворянских фамилий (Челищевы, Хомяковы, Языковы, Киреевские, Бобринские, Граббе, Львовы...), проникнутый взаимным вниманием, уважением и любовью. Духовная близость этих людей сохранилась на долгие годы уже после Революции.

Исчезнувшие с горизонта близкие люди продолжали жить в памяти и в разговорах о прошлом. Постоянно теплилась надежда на извещение, на возвращение, на встречу. Но только после смерти Сталина появились какие-то известия о родственниках и знакомых, оказавшихся в лагерях или в иммиграции. (Мой отец - ровесник Сталина, но прожил на 11 лет меньше Вождя и Учителя.)

В предреволюционные годы обитаемые дворянские поместья уже не были доходными имениями. Они, скорей, представляли собой культурные островки на огромных просторах крестьянской России. Здесь появлялись новые сельскохозяйственные орудия, новые культуры, породистые животные. Здесь звучала музыка, иностранная речь. Здесь на полках лежали книги.

И вместе с тем, дворянские дети не росли белоручками. Они, как правило, знали сельское хозяйство, были приучены к уходу за лошадьми, собаками, любили и знали певчих птиц. В военные годы, когда мой отец находился на фронте, его сестры успешно справлялись с поставками зерна для армии от доходных имений.

Тетя Маша рассказывала такой забавный случай: едут они с сестрой Анночкой через деревню и видят - стоит у телеги крестьянка и плачет. Оказалось, что у нее распряглась лошадь. Анночка говорит: "Что же ты ревешь, дура...! Запрягай!", а крестьянка отвечает: "Не умею..., я ж - баба". Анночка быстро запрягла лошадь, и они со смехом поехали дальше.

Отношения с окрестными крестьянами были вполне добрососедскими. Дружба с прислугой, жившей в федяшевском доме, сохранилась на всю жизнь. На фотографиях тогдашних крестьян видишь хорошо одетых людей с чувством собственного достоинства на лицах, совсем не похожих на обтрепанных, спившихся, безликих колхозников. Именно крепкое, работающее, самодостаточное крестьянство было уничтожено в результате раскулачивания и коллективизации.

Когда тетя Маша привезла меня в Федяшево (уже после войны), в деревне её еще помнили и встречали возгласами: "Молодая барыня приехала!". Дом занимало правление совхоза. На месте цветника

прямо перед фасадом, выходящим в парк, стоял уродливый блок котельной с высокой железной трубой. Мы погуляли по парку. Я испугался в пруду. Тетя Маша грустно молчала, потом начала читать стихи отца и заплакала... Больше я никогда не видел ее плачущей.

Мои родители, выросшие в атмосфере материальной и душевной комфортности, мужественно переносили бесконечные лишения и моральные травмы советской жизни. Все мое раннее детство прошло без электричества. Поэтому долгие зимние вечера сохранились в памяти пятном света от керосиновой лампы или коптилки на столе и таинственным полумраком вокруг. Не редко топящаяся печка была единственным источником освещения. В такие вечера отец с помощью рук ловко показывал тени разных животных на стене.

Жизнь была пропитана постоянным страхом. Всё темное, изуверское, что подспудно гнезилось в людях, было востребовано большевиками и использовано для совершения небывалых жестокостей, с помощью которых парализующий страх укоренялся в каждом. Инстинкт самосохранения заставлял забыть о прошлом, примириться с настоящим и смотреть через розовые советские очки в будущее.

"Советский простой человек" безропотно принимал издевательские большевистские правила игры: "строил" - Социализм, "поклонялся" - Ленину, "обожал" - Сталина, "вступал" - в Партию, "выбирал" - из одного кандидата, "одобрял" - собственное истребление, "подписывался" - на займы... Всё это происходило под наркозом льстивых песен Дунаевского на слова Лебедева-Кумача и "лакировочных" фильмов Александрова. Нам вдалбливали, что свобода - "осознанная необходимость", а слово "воля" вообще потеряло первоначальный смысл.

Для отца (вслед за А. С. Хомяковым) Воля - не разбойничья воляница, но нечто большее, чем казенная, декларативная свобода, это - право выбора и в большом, и в малом. Жить вольно значило для него - жить по совести, делать то, что ты считаешь нужным (посещать церковь, например, носить нательный крест, вешать иконы...) и не делать того, что тебе претит (не посещать собрания, например, не "стучать", не вступать...). Отвечая на обязательный вопрос всех анкет о социальном происхождении, он всегда писал: "из дворян", а не прятался за спасительным: "из служащих". В крутые 20-е и 30-е годы даже эти маленькие проявления собственной воли требовали личного мужества. Теперь я отчетливо понимаю, что именно воли особенно не хватало в советское время, с его каждодневными запретами, одергиваниями и притеснениями по мелочам.

Большевицкие методы были перенесены и на взаимоотношения человека с природой. Раскулачивание и Коллективизация высвободили огромные людские ресурсы. В годы Индустриализации миллионы людей были брошены на освоение северных и восточных районов страны. Безжалостно сводились леса, загрязнялись реки, истреблялась дичь, спаивалось коренное население. Дети раскулаченных крестьян по комсомольским путевкам ехали на Урал, в Кузбасс, на Дальний Восток.... Вместе с новыми предприятиями возникали и новые лагеря. Колымское золото, Норильский никель, Джекказганская медь, Кольские апатиты... стоят на костях заключенных.

А страна жила "полной жизнью", спасая "челюскинцев", встречая "попанинцев". "Юные мичуринцы" закладывали сады с гибридными яблонями "бельфлер-китайка". Всесоюзная Сельскохозяйственная выставка, застроенная павильонами всех союзных республик, встречает многочисленных участников в нарядных национальных костюмах. Беломорканал уже закончен рабским трудом "каналоармейцев", и воспет М. Горьким и многими известными советскими писателями по-мельче, а вся страна курит "беломор".

Это было время рекордов. В. Чкалов перелетел через Северный Полюс в Америку. В небе ставили новые рекорды стратостаты. Шло освоение Арктики, прокладывался регулярный Северный Морской Путь. Советские альпинисты (под руководством самого Крыленко) штурмовали непокоренные горные вершины, и на картах появился пик Ленина и пик Сталина (самый высокий на Памире).

Безжалостная репрессивная машина набирала обороты. Всюду проступали черты лагерного быта: заключенные под охраной на различных видах работ, бесконечные заборы из колючей проволоки вокруг "новостроек" (при каждом крупном предприятии обязательно был лагерь), эшелоны теплушек с надстроенными будками для охраны и пулеметов.... Я до сих пор не могу забыть жадные глаза эзков за решетками маленьких вагонных окон. Уже в послевоенные годы меня самого тетя Маша часто просила отправлять посылки с передачами для родственников и знакомых, находящихся в заключении.

Силами заключенных велся практически весь лесоповал в отдаленных районах. Я сам видел в Карелии непроходимые на многие десятилетия лесосеки лагерных времен, заваленные сухими стволами деревьев (заставляли срезать всё, а вывозились только сортовые хлысты). Не обошлось без эзков и городское строительство (дома сталинской постройки в центре всех областных городов, высотные здания в

Москве). Московский университет (первоначально гостиницу) строили одновременно и военные строители, и ээки. В студенческие годы и позже мне самому доводилось видеть большие лагеря на Кольском Полуострове, на Северном Урале, в Южной Якутии, в Казахстане....

Когда называют цифры жертв репрессий, забывают о родственниках, друзьях, сослуживцах, соседях..., которых каждый арест коснулся непосредственно. Этот водоворот захватил значительную часть населения. По всей стране шли эшелоны с заключенными. В тюрьмы и пересыльные пункты несли передачи. На почте стояли длинные очереди для сдачи посылок с лагерными адресами (П.Я. №...), шли письма (часто безответные). Лагерные песни стали студенческими, стали народными....

Среди моих одноклассников по Хотьковской школе (под Загорском) был Лева Казанский, отец которого погиб в лагере, и Сева Волков, у которого в то время и отец, и мать были в заключении, а сам он жил с дедом В. С. Мамонтовым при Абрамцевском музее. Со нами учились сестры Кавер, поволжские "немочки", приехавшие с родителями из Казахстана. (Наверняка, были и другие подобные случаи, но о них старались не говорить.)

Всего этого нельзя было не видеть. Поэтому мне смешно слышать от новоявленных "диссидентов" из номенклатуры и красной профессуры, что они до 20-го Съезда ничего не знали и ни о чем не догадывались. Просто у советского человека выработалось поразительное свойство не видеть, не слушать и не чувствовать, то, что видеть, слышать и чувствовать было неприятно или, тем более, опасно.

Несмотря на все преследования и беды, пережитые в послереволюционные годы, отец не ожесточился и не брался судить сам. Он уповал на Божий суд, на покаяние. Современному человеку ближе и понятней чисто земное наказание и покаяние не перед Богом, а перед людьми. Но, может быть, это указывает только на то, что мы намного дальше от Бога, чем наши родители?

Однако ни покаяние, ни наказание не состоялось и уже никогда не состоится. Осталось уповать только на Божий суд. Почему так случилось, что гитлеровский фашизм прошел через покаяние, признание вины (и нравственное и через суд), а советский коммунизм - нет? Действительно, физический и моральный урон, нанесенный человечеству коммунизмом, намного больше, чем урон, нанесенный фашизмом.

Но, может быть, главная причина как раз в этом? Слишком много преступлений и слишком много соучастников (в Советском Союзе,

Восточной Европе, Китае, Вьетнаме, Корее, Камбодже, на Ближнем Востоке, в Африке и Южной Америке). Другая, наверное, самая важная причина та, что фашизм проиграл войну (судили победители), а коммунизм выиграл - и не только у Германии, но и у западной антигитлеровской коалиции, захватив Восточную Европу и умы "розовой" западной интеллигенции.

Не будь нобелевской, многотиражной монографии "Архипелаг ГУЛАГ", уже давно бы говорили, что не то что каяться, а даже и оправдываться не в чем. Желающих каяться действительно не нашлось, но готовые оправдываться находились и находятся. Однако оправдания и «воспоминания» обычно сводятся к настойчивым попыткам скрыть правду или замаскировать ложь.

Примером такой успешной полуправды-полулжи может служить популярный перестроечный роман Рыбакова "Дети Арбата". Автор не скрывает своих симпатий к частично репрессированной в 37 году советской элите, заселившей к тому времени тихие арбатские переулки. До сих пор эти люди, многие из которых вернулись уже по амнистии 40 года, только себя и считают "безвинно" пострадавшими. Для них ликвидация "эксплуататорских классов", "белогвардейцев", "кулаков"... - "революционная необходимость". И Рыбаков стыдливо умалчивает о том, скольких "недорезанных буржуев" понадобилось предварительно выселить, посадить или расстрелять, чтобы освободить жилплощадь для этих новых "детей Арбата".

С Арбата были выселены и посажены (вместе с другими "недорезанными буржуями") и мои родители. У них было отнято жилье вместе со всем имуществом, доставшимся новым хозяевам. Им никогда не удалось вернуться. А я стал москвичом только, когда Хрущев расширил границы Москвы, и Кунцево попало в черту города.

Но жизнь продолжалась и в глубоком захолустье, где были обречены прозябать мои родители. Людей с заметными дворянскими фамилиями можно было встретить в самых глухих уголках страны, на самых незавидных должностях. Для одних это была ссылка или поселение, для других - просто тихое место вдали от большого города и "Большого дома"! (в каждом областном центре - своя "Лубянка").

Вместе с верой в Бога искоренялись и культурные и нравственные устои жизни, связанные с посещением церкви. Однако я думаю, что массовому отходу советских людей от религии способствовала не антирелигиозная пропаганда, а обычный страх. Членам партии, комсомольцам, пионерам, советским служащим, военным... было запрещено

посещать церковь. Вместо библии на столе должен был лежать сталинский "Краткий курс истории ВКП(б)". Но и для других категорий граждан посещение церкви могло быть опасным. Я уж не говорю о крещении или венчании. У моих родителей были неприятности, когда они брали дочь нашей квартирной хозяйки в церковь.

На долю моих родителей в избытке пришлось войны, революции репрессии и потери. Были разрушены семьи, разлучены близкие люди. На их плечи легла горечь утрат, тяжесть неизвестности. Это поколение приняло на себя и окопы первой Мировой войны, и кровь Гражданской, и иступление Красного террора, и "деловитость" сталинской лагерной системы. Для отца зимние невзгоды новой войны были уже выше человеческих сил. Он умер во Владимире в морозном январе 1942 года, надорвавшись при разборке старой плотины на дрова.

Могила отца во Владимире была снесена, когда место понадобилось для другого захоронения. Тете Маше удалось перенести прах бабушки Ольги Алексеевны при ликвидации Дорогомилковского кладбища. Это было сразу после войны. Я помню пустырь в Вострикове, отведенный под новое кладбище. Сейчас могила бабушки Ольги Алексеевны, тети Маши, дяди Коли (Бобринского) и трех их детей оказалась в березовой роще. На Новодевичьем кладбище сохранилась скромная могила А. С. Хомякова. Но многие мои ближайшие родственники были лишены даже и могилы. И это символично. Такова трагическая судьба всей дворянской интеллигенции в послереволюционные годы. Эти глубоко верующие, независимые и незаурядные люди казались для большевиков опасными и оказались отвергнутыми безбожной советской властью.

Отец пронес искреннее религиозное чувство через всю свою многотрудную жизнь. Его, как глубоко верующего человека, не беспокоил неразрешимый для атеистов вопрос: "Зачем жить?". Для отца жизнь, это - Дар Божий, которым человек не в праве распоряжаться по собственному усмотрению, и все, что с ним происходит, делается по Воле Божьей. В вере отец искал ответ на мучительный вопрос: "Как жить?". Вера в Бога помогала ему нравственно противостоять советской атеистической системе и сохранять веру в людей. Вера в Бога занимала большое место в духовной жизни моего отца. Он был знаком по Сергиеву Посаду со священником Павлом Флоренским. Однако мой отец не испытал религиозных сомнений и колебаний, и не пытался связать Веру с философией. Последнее стихотворение отца обращено к Богу звучит как молитва:

От земной коварности
Освети страданием,
Сердце благодарностью,
Совесьть покаянием!

И в земли лишениях,
И в небес решениях,
В дивных утешениях
Сам нам воссияй!

Это - пример подлинной глубины религиозного чувства, способность к которой мне уже не доступна.

ПОКОЛЕНИЕ МОИХ РОДИТЕЛЕЙ.

*Нет! Сердца память не остынь!
Но почему одна Катюнь?*

Беспамятство к многомиллионным жертвам советских репрессий и снисходительность к палачам не может не вызывать беспокойства. Вероятно, дело в том, что понятия "палача" и "жертвы" были причудливо переплетены в советское время. Сегодняшние палачи и соучастники завтра сами становились жертвами. И в этом есть определенная историческая справедливость всех революций.

Ближайшие соратники Ленина, запустившие вместе с ним жернова красного террора, перемоловшие миллионы людей, все были расстреляны как враги народа. Большевистские комиссары с дореволюционным партийным стажем, поддерживавшие революционный порядок на местах с помощью мандата и маузера, закончили жизнь в лагерях и ссылках. (Тяжеловато им пришлось после царских ссылок с библиотеками да роялями, да удавшимися побегами в Швейцарию.) Троцкий был одним из главных организаторов массовых репрессий, а Сталин отдал приказ убить Троцкого и расстреливал троцкистов. Крестьяне, громившие дворянские усадьбы и захватывавшие помещичьи земли, сами были обобраны продотрядами, и согнаны с земли при Раскулачивании и Коллективизации. "Работников литературы и искусства",

обслуживавших советский режим, тоже периодически сажали, обрекая на страх ареста и услужливое усердие оставшихся на свободе.

В борьбе за власть Сталин истребил "ленинскую гвардию", но люди, которых он набирал, были еще страшней. Руководство самих органов, армии и индустрии, а также партийные и советские кадры всех уровней многократно обновлялись путем ликвидации прошлых начальников. Каждый одновременно и сажал или сдавал, и сам ждал ареста. Эта "ротация" отнюдь не ограничивалась 37 годом. Дети раскулаченных крестьян, успевшие своевременно обзавестись партбилетами, нередко пробивались на освободившиеся вакансии и оказались в коммунистической элите. Только "бывших" грабили, брали в заложники, убивали и сажали с первых дней Октябрьского переворота и до последнего вздоха "Вождя и Учителя".

Большевицкие лозунги основывались на разжигании алчности и ненависти к имущим сословиям. Помещики в этих лозунгах всегда стояли на первом месте, хотя в предреволюционные годы помещичьи земли составляли лишь незначительную часть всех пахотных земель страны. Это была коварная приманка, на которую Ленин ловко поймал крестьянскую Россию. За каждым Ленинским Декретом стоял обман: Декрет о Мире обернулся Гражданской войной и кровавым подавлением крестьянских восстаний, Декрет о Земле - продрозверсткой и небывалым голодом, Декрет об отделении церкви от государства - изъятием церковных ценностей и закрытием церквей....

Ленин был родоначальником большевистской номенклатуры (этого советского "дворянства") с ее привилегиями (ордерами, пайками, дачами, телефонным правом...). Однако он питал острую личную неприязнь ко всему потомственному дворянству и, особенно, к царской семье. Эту неприязнь Сталин воспринял вместе с другими "заветами Ильича". Не случайно чуткие к вкусам "Великого Кормчего" Ильф и Петров в своем бестселлере "Двенадцать стульев" выставили в злобно неприглядной форме Кису Воробьянинова, постоянно напоминая об его дворянском происхождении. Не забыли авторы и о духовенстве. Это - уже не просто литературные персонажи, а явные образы классового врага (пусть даже и пародийные).

Сейчас историки и политики никогда не вспоминают о сословном геноциде в послереволюционной России. Значительная часть российского дворянства была уничтожена или вытеснена за рубеж уже в годы Красного террора и Гражданской войны. Но главной жертвой большевистского сословного геноцида стало крестьянство. В годы

раскулачивания и коллективизации были согнаны с земли и репрессированы более десяти миллионов крестьянских семей.

Под большевистским лозунгом "Грабь награбленное!" была проведена кампания по массовому разграблению имущества дворянских поместий, городских усадеб и экспроприации помещичьих земель. Многие владельцы поместий были убиты. Позднее дворянское происхождение было достаточным поводом для репрессий.

Разворовывались и произведения искусства. Что-то попало в музеи (фамильные портреты и картины из хомяковского дома на Собачьей площадке, написанные Александром Ивановым, Крамским и другими известными художниками, до сих пор пылятся где-то в запасниках Третьяковки). Но именно в это время зарубежные музеи и частные коллекции пополнились русскими картинами, иконами и ювелирными изделиями, украденными при разорении дворянских усадеб.

Драгоценности и произведения искусства, доставшиеся большевикам при захвате власти и награбленные позже у церковей и частных лиц, тоже были частично разворованы. Не одно десятилетие лучшие экземпляры из музеев и хранилищ скрытно вывозились за рубеж для пополнения валютного запаса страны и в качестве "подарков".

И уж совсем невозполнимы многочисленные человеческие потери. Потомственное дворянство составляло цвет дореволюционной России. Вся российская история является подтверждением этого. Первая Мировая война, Революция, Гражданская война дали многочисленные образцы подлинного мужества и верности долгу. Об этом много написано. Приведу лишь некоторые известные мне частные факты.

Мой отец и две его сестры в первые дни Великой войны ушли на фронт добровольцами (тетя Анна получила Георгиевскую медаль за мужество). Мой дед А. П. Грессер в самом начале войны на свои деньги организовал автомобильный санитарный отряд и работал на фронте вплоть до тяжелого ранения в 1916 году.

Три брата Бобринские, двоюродные братья моего отца, дети богатейших людей России того времени (смотри у Ленина: "...клика Пуршкевичей - Бобринских..."), также в самом начале Великой войны ушли на фронт добровольцами. Позже два брата были убиты, а дядя Коля Бобринский, воевавший в Дикой Дивизии, был ранен в живот навывлет и чудом остался жив (он отличался большой храбростью и был награжден золотым Георгиевским оружием). В это время Ленин и его соратники злорадствовали из тихой Швейцарии по поводу военных неудач нашей армии.

Двоюродный брат моего отца П. М. Граббе в первые дни войны добровольцем вернулся в армию, командовал казачьим полком, а после отречения Николая II отказался присягнуть Временному Правительству. В эмиграции он жил в своем поместье в Галиции, где был арестован в конце второй Мировой войны сотрудниками НКВД, как русский эмигрант и граф, и погиб в Пермских лагерях.

М. С. Лопухин был расстрелян после неудавшейся попытки освобождения царской семьи. Говорят, что сам Дзержинский предложил сохранить ему жизнь в обмен на обещание прекратить контрреволюционную деятельность, но Лопухин отказался.

Белое движение тоже было в значительной степени дворянским. И многие наши родственники погибли в Гражданской войне или вместе с другими белыми офицерами прошли тернистый путь на Дон, на Кавказ, в Крым, и дальше в Константинополь и пожизненную эмиграцию. Тем, кто уходил на Север, через Архангельск или на Восток, через Китай пришлось еще трудней. Оставшихся белогвардейцев еще долгие годы вылавливали и истребляли органы ВЧК - ОГПУ (только в Крыму в 1921 году были обманом арестованы и расстреляны многие тысячи белых офицеров).

Но и в эмиграции Лубянка не забывала бывших. Многие заметные люди были убиты или похищены. А скольких запугивали, запутывали, склоняя к сотрудничеству? После Второй мировой войны из Западной Европы их на выбор сдавали Сталину союзники. А в Восточную Европу вместе с воинами-освободителями пришли сотрудники НКВД, которые многим припомнили и Гражданскую войну, и работу в эмигрантских организациях и газетах. Так эмигранты невольно вернулись на родину - прямо за лагерную колючую проволоку. Мало кто из них дождал до смерти Сталина. Не очень повезло и тем, кто, поддавшись примитивной пропаганде или сентиментальным фантазиям, решил вернуться сам. Многих из них тоже, на всякий случай, сначала пропустили через лагеря или ссылки.

У "врагов советской власти", не примирившихся с большевизмом, которые, если не погибли и не уехали, то жили, стиснув зубы, во внутренней эмиграции, сохранилось и в послереволюционные годы чувство локтя, готовность помочь: взять детей арестованных, принять на ночлег скрывавшихся, посылать передачи сидевшим. А при арестах 37-го года от партийных "врагов народа" отказывались и отрекались, и родные, и близкие, и друзья, и сослуживцы!

Советская, и "демократическая" интеллигенция еще с горьковских, хрущевских и диссидентских времен сохранила тенденцию постоянно принижать массовость и самоотверженность борьбы с большевизмом, основываясь на примерах известных коллаборационистов, таких как Алексей Толстой или Сергей Михалков. "Демократы" готовы осуждать сталинизм, но не большевизм, КГБ, но не ЧК! Для них "Большой террор" начинается с аппаратных чисток тридцатых годов, когда, наряду с рядовыми, массовыми жертвами, репрессии коснулись партийных кадров и "попутчиков".

Без истории России не понять Белого движения. Это были непрерывные войны за расширение и сохранение территории страны в условиях, когда государственные границы в Европе только еще складывались. Мои предки участвовали и в Ледовом побоище, и в Куликовской битве, и во взятии Казани, и в разгроме шведов под Полтавой, и в присоединении Крыма, и в Бородинском сражении, и в войнах с Турцией, и в Первой мировой войне, и в Гражданской. Для дворян военная служба начиналась с детских лет и продолжалась всю жизнь, и так из поколения в поколение, вплоть до освобождения дворян от обязательной военной службы при Екатерине II. Однако традиция военной карьеры для мужчин в дворянских семьях продолжалась.

Показательно, что в Первую мировую войну члены царской семьи оказались в действующей армии и некоторые были убиты. Николай II ушел из жизни полковником, а все большевистское руководство превратилось в генералов и маршалов во главе с генералиссимусом Сталиным. Патриотический подъем 1914 ода вызвал массовый добровольный приход на военную службу в дворянской среде. И в советское время не "постеснялись" послать своих детей на фронт Сталин и Хрущев. Какой разительный контраст с полным отсутствием детей сегодняшней правящей элиты в "горячих точках"!

Законы чести, долга, верности присяге... воспитывались и сохранялись в офицерской среде. Поэтому для большинства боевого офицерства невозможно было сдать Россию без сопротивления на поругание большевикам. Гимн Российской Империи "Боже царя храни..." воспринимался с благоговением вплоть до полного разгрома Белого движения и чтился в эмиграции. Идея служения России воспринималась серьезно, без скепсиса. Отсюда и подлинные герои Гражданской войны: Врангель, Деникин, Каппель, Колчак, Корнилов... и сотни тысяч безымянных офицеров и солдат, которые предпочли смерть предательству. Юнкера стали последними рыцарями Империи!

Расстрел царской семьи в Екатеринбурге, гибель других Романовых, заживо погребенных в шахте под Алапаевском, массовые репрессии против "бывших"... легли непреодолимой пропастью между Белыми и Красными. Но император Николай II с семьей ждал смерти и умер с достоинством, адмирал Колчак своей смертью продемонстрировал несгибаемое мужество. А в тридцатые годы большевистская "оппозиция" оговаривала друг друга и судорожно цеплялась за жизнь!

Жестокость и непримиримость плохо сочетается с благородством и утонченностью чувств. Исступленное ожесточение Гражданской войны коснулось и Белого движения. Но невозможно сравнивать Колчака с Троцким или Каппеля с Буденным! Белым нечего было противопоставить лживым большевистским лозунгам и массовым репрессиям против гражданского населения. Обреченность белых состояла уже хотя бы в том, что они пытались действовать в рамках закона против большевиков, которые руководствовались только "революционным правосознанием".

Шла ожесточенная, непримиримая борьба за спасение России от большевистской оккупации. Красная смута в Германии была в корне подавлена военной силой. Но в России силы оказались неравны. Несмотря на неудачу, Белое движение стало кровавым искуплением, и за доверчивость и слабость царя, и за измену штабных генералов, и за двурушничество либеральных политиков и "демократической" интеллигенции, которые активно участвовали в свержении монархии, но оказались совершенно не готовы взять на себя ответственность за судьбу России. И в "Белом стане" далеко не все были героями, но была и верность, и стойкость, и сплоченность в противостоянии с бесчеловечным, безбожным, безмозглым и бессовестным большевистским режимом. Это было противостояние, которое, по существу, продолжалось и в эмиграции.

Белая армия покидала Россию с оружием в руках, с надеждой на скорое, победное возвращение. Русская эмиграция долгие годы сохраняла армейскую организационную структуру, национальную сплоченность и верность России. Но эвакуация обернулась изгнанием и рассеянием. Русские оказались в Китае, в Турции, в Тунисе, во Франции, в Югославии, в Чехословакии..., в Австралии, в Америке....

Трагично сложилась судьба тех, кто не захотел или не смог покинуть Россию. Большинство из них было выловлено и истреблено большевиками и на Юге России, и на Севере, и в Сибири. Офицеры, мобилизованные Троцким в Красную армию, сыграли не последнюю

роль в победе большевиков, но после окончания Гражданской войны большинство из них было репрессировано. Во всех сталинских аппаратных чистках "Большого Террора" погибло на много меньше партийных "врагов народа", чем было без суда расстреляно одних "белогвардейцев". Только в Крыму после эвакуации Добровольческой армии осенью 1920 года были обманом арестованы и расстреляны десятки тысяч белых офицеров. Вместе с военными подверглись безжалостному уничтожению и члены их семей (старики, женщины, дети).

Об этом, беспрецедентном по масштабам для своего времени преступлении молчали коммунисты, и сейчас молчат "демократы". А ведь только на Юге России лежит в земле или на дне Черного моря во многие десятки раз больше одних только русских офицеров, чем польских - в Катыни, находящейся постоянно на слух!

Нередко приходится слышать о чванливости и обособленности старой русской эмиграции, которая держится особняком. Но мне понятна неприязнь этой вынужденной русской эмиграции к эмигрантам "новой волны" (с партбилетами в кармане, с военными присягами, с подписками о неразглашении, с лубяночными шпионскими кличками, с "грязными" деньгами или с титулованными советскими отцами, начиная детей со Сталина и Хрущева), которые цинично сбежали от ими самими содеянного.

Дворянство всегда являлось носителем идеи наднациональной российской государственности, и многие века воевало и умирало за расширение и укрепление единого государства. В царской России национальность вообще не фиксировалась в официальных документах - только вероисповедание. При этом фактически существовала широкая культурно-религиозная автономия для национальных меньшинств. Национальная аристократия и интеллигенция была интегрирована в российское общество и поддерживала устойчивость многонациональной Российской Империи.

Предреволюционная царская Россия была монолитным многонациональным государством без серьезных этнических противоречий и конфликтов. Большевики бездумно раздробили естественную территориально-административную структуру страны на многочисленные национальные и национально-автономные образования. Искусственные национально-административные границы разных уровней поделили людей, веками живших на общей территории, на "коренное" и "некоренное" население и заложили основу для национально-номенклатурных амбиций и межнациональных конфликтов.

Дворянство никогда не было изолированным сословием и постоянно пополнялось незаурядными людьми любого происхождения (отцу Ленина, например, было пожаловано дворянство за успехи в организации образования в Поволжье). В предреволюционной России не существовало особых дворянских привилегий, и значительная часть помещичьих земель уже была потеряна. Сами дворяне, судя по моим родителям, родственникам и знакомым, не придавали особого значения происхождению и, уж во всяком случае, никогда им не кичились. Но в советское время, когда было безопасно и выгодно отречься от дворянства, они, в большинстве своем, этого не сделали.

Дворянская интеллигенция, сформировавшаяся в дореволюционной России, сохранила необычайную нравственную устойчивость, высокие требования к себе и снисходительность к другим. К ним не пристала советская грязь. Этих высоконравственных, верующих людей не удалось запугать и оболванить большевистской пропагандой. Многократно ограбленные и оговоренные, прошедшие через тюрьмы, лагеря и ссылки, они сохранили и Честь и Веру.

Здесь не "оберегали" детей от прошлого, чтобы легче жилось в советском настоящем. Сестра отца М. А. Бобринская (тетя Маша) говорила мне, двенадцатилетнему мальчику: "Коля, всегда помни, что ты - сын своего отца. Пусть кругом лгут, крадут, доносят.... Но я никогда этого не сделаю, и ты никогда этого не сделаешь, потому что мы - Челищевы". Да, я - Челищев, но уже откликнулся и на Че'лищева. Казалось бы, ударение - мелочь. Но коммунистам это было важно. Исказив фамилию, вступив в партию, ты сразу отказывался от родителей, от прошлого и становился "своим". Не случайно дети раскулаченных крестьян косяком пошли в комсомол и в партию. Такой ценой они покупали место под "сталинским солнцем".

На свадьбе все той же моей тети Маши в 1919 году мальчиком с туфлей был Сережа Миха'лков, сосед по имению. Потом из этого мальчика вырос известный советский литературный деятель Сергей Михалко'в, соавтор (вместе с Шариданом) текста сталинского Гимна Советского Союза и автор последующих редакций (в первом варианте фигурирует и Ленин, и Сталин, во втором - только Ленин, а в последнем, российском - вместо вождей появляется Бог).

Он изменил ударение в фамилии, придумал себе пролетарскую биографию и перестал поддерживать отношения с дворянскими родственниками и знакомыми. Конечно, на Лубянке прекрасно знали о его дворянском происхождении. Но важен был сам факт отказа от

фамилии, от родителей - многократно повторенный в разных вариантах "подвиг" Павлика Морозова.

Поколение моих родителей однозначно отвергало подобные компромиссы. В московской среде бывших такие случаи живо обсуждались. Рассказывали, например, что однажды С. Михалков приехал в Мураново и стал знакомиться с сотрудниками музея. Он каждому протягивал руку и говорил: "Михалко'в", "Михалко'в" Когда дело дошло до старичка Лермонтова, вернувшегося из эмиграции, тот демонстративно убрал руку за спину и сказал: "Я знал вашего отца, Миха'лкова. Нам государь-император в один день вручал камергерский ключ, а Михалко'ых не знаю... ". Конечно, сейчас это кажется наивным. Но, может быть, именно этой "наивности" нам и не хватает?

Мой отец не захотел примкнуть к сильным, но неправым. У него никогда не было желания куда-то вступать, за кого-то прятаться. Отец всегда стремился оставаться самим собой, дорожил личной свободой и свободой совести. В наиболее мрачные советские времена он смог сохранить внутреннюю свободу, не изменить себе, своим родителям, своему прошлому. Может быть, именно память об отце не позволила и мне переступить некоторые нравственные барьеры, почти уже невидимые в мое время.

К нашему советскому прошлому можно упрощенно подходить с двух противоположных позиций: с позиции тех, кто сидел (не обязательно за решеткой), или с позиции тех, кто охранял (не обязательно с винтовкой). Горбачевская "перестройка" и "гласность" позволила, в какой-то степени, реализовать декларированные свободы, и люди перестали чувствовать себя "заключенными" в собственной стране, уже хотя бы потому, что можно было уехать. Но "охранниками" себя продолжает ощущать значительная часть населения страны. Именно они препятствует захоронению останков Ленина и ратует за возвращение памятника "Железному Феликсу" на пьедестал Лубянской площади.

Конечно, не всегда легко понять с какой позиции (сознательно или интуитивно) тот или иной человек оценивает наше советское прошлое. Самый простой тест - отношение к А. И. Солженицыну. Он стал символом бескомпромиссной борьбы и с "ленинизмом", и со "сталинизмом" Тут все высказываются четко: "за" или "против". А уж для тех, кто, так или иначе, был связан с Лубянкой, Солженицын до сих пор опасен. Однако президент Путин сумел перешагнуть это отторжение, хотя и продолжал чувствовать себя преемником Ельцина, из рук которого Солженицын отказался принять награду.

Но, к сожалению, все мы, советские люди, не взирая на позицию, происхождение, национальность, партийность..., принадлежим к поколению, сформированному социалистической системой. И ни крушение коммунизма, ни раздел Советского Союза, ни возврат к рыночной экономике, ни заимствование имперской символики... не ликвидируют исторический разлом, отделяющий нас от дореволюционного прошлого России. Ушедшее поколение моих родителей - тонкий мостик через этот разлом.

Эти необыкновенные люди ушли навсегда, почти не оставив следа. И только сейчас начинаешь понимать, что слишком мало слушал и слишком мало спрашивал, и потеря эта невосполнима. Поэтому мне кажется важным восстановить свое родословное дерево. Но еще важнее сохранить память о конкретных людях, их делах и поступках. Приводимый в конце книги альбом портретов и фотографий конкретных персонажей моей родословной позволяет составить более полное представление и о самих людях, и о времени в котором эти люди жили, чувствовали и действовали.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ.

Что значит 80 лет...?

Что больше будущего нет...?

Что суждено, уже все случилось,

И только прошлое осталось?

В родословной я привожу сведения о моих предках, которые надежно идентифицированы в дореволюционных российских печатных родословных документах для дворянских родов **Челищевых, Хомяковых, Грессеров и Чичериных** (Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник дворянских фамилий. СПб, 1887, Сборник материалов для истории рода Челищевых, Н. А. Челищевым. СПб, 1893, и др.). Дореволюционные даты приведены по старому стилю.

Это - те близкие, "базовые" предки, о которых я слышал от своих родителей и родственников. Здесь представлены данные о **прямых** потомках Михаила Николаевича Челищева, Алексея Степановича Хомякова, Петра Аполлоновича Грессера и Павла Петровича Чичерина, а также их женах, мужьях, детях, внуках.... Надежно прослежено до

четырёх, пяти новых поколений. Более поздние данные являются неполными и требуют дальнейшего выяснения..

Многие близкие родственники не попали в эту родословную. Если бы я включил в детальное рассмотрение родителей, братьев и сестер моих "базовых" предков, объем информации возрос бы многократно, вероятно, на целую книгу. Но я не ставил перед собой такой задачи. Поэтому я ограничился тем, что в тексте привел краткие сведения о родоначальниках фамилий и самые заметные события из жизни некоторых моих предков.

При этом с моей родословной оказались родственно связаны князья Гагарины, Голицыны, Куракины, Львовы, Мещерские, Трубецкие, Хованские..., графы Бобринские, Брюсы, Головины, Граббе, Матвеевы, Румянцевы, Шереметьевы..., а также и другие известные дворянские семейства, сыгравшие заметную роль в истории и России и Европы. За судьбами отдельных людей просвечивает история целых стран!

В **Приложении** для более ранних предков моей матери рассмотрен шотландский след рода бояр Матвеевых и непродолжительная (всего три поколения) мужская линия рода графов Румянцевых, внебрачных потомков императора Петра I.

Челищев Михаил Николаевич (дед моего отца по мужской линии) и его потомство.

Михаил Николаевич (13 августа 1815 - 27 июля 1883),
тайный советник, гофмейстер,
отец: Николай Александрович (1783 - 1859),
действительный тайный советник, сенатор,
мать: княжна Мария Михайловна Хованская (1790 - 1846).

Жена: Екатерина Алексеевна (р. 10 августа 1820), урожденная Хомякова.

Дети:

Николай Михайлович (р. 14 февраля 1846),

жена: Мария Львовна Янковская. Дети:

Михаил Николаевич (1904 - 1970).

Екатерина Николаевна (р. 29 мая 1899),

за Михаилом Ивановичем Стаховым,

вдовцом Анны Алексеевны Челищевой.

Алексей Михайлович (18 сентября 1847 - 1889), жена:

Ольга Алексеевна Хомякова (25 февраля 1848 - 1929).

Дети:

Федор Алексеевич (8 февраля 1879 - 20 января 1942), жена:
Ольга Александровна Грессер (23 февраля 1897 - 23 февраля 1980),
сын:

Николай Федорович (р. 9 июня 1933), жена:

Раиса Васильевна Аверкина (р. 2 апреля 1940), дочь:

Ольга Николаевна (р. 17 сентября 1962), за Р. К. Лесёрф, дочь:

Шарлотта Анастасия (р. 20 июня 1995).

Иван Алексеевич (р. 2 сентября 1881), умер молодым.

Елена Алексеевна (р. 21 мая 1882), умерла ребенком.

Екатерина Алексеевна (р. 11 июня 1884).

Мария Алексеевна (26 июня 1886 - 16 марта 1973),

за графом Николаем Алексеевичем Бобринским (1890 - 1964), дети:

Алексей Николаевич (р. 19 апреля 1920 - 11 мая 1932),

погиб молодым.

Гавриил Николаевич (р. 22 января 1922), умер ребенком.

Анна Николаевна (р. 30 марта 1925), умерла ребенком.

Николай Николаевич (р. 17 марта 1927 - 2000), женат:

первым браком:

на Софье Владимировне Комаровской (1924 - 1994),

вторым браком на Вере Сергеевне Сидоровой.

От первого брака сын:

Алексей Николаевич, сын:

Николай Алексеевич.

Анна Алексеевна, за Михаилом Ивановичем Стаховым,

умерла 9 декабря 1923 г.

Сергей Михайлович (р. 21 января 1850),

жена: Ольга Степановна Хомякова.

Михаил Михайлович (р. 12 мая 1858), не был женат.

Мария Михайловна (р. 17 июля 1843 - 1921),

за князем Николаем Александровичем Львовым (1834 - 1887).

Варвара Михайловна (р. 31 августа 1844),

за Василием Павловичем Поповым.

Анна Михайловна (р. 12 мая 1852),

за Степаном Степановичем Стрекаловым.

Челищевы - древний дворянский род, происходящий от Оттона IV, курфюрста Люнебургского, короля Германии, императора Римской Империи из рода Гвельфов, царствовал с 1198 по 1218 г. Наш предок, Вильгельм Люнебургский прибыл из Германии в Новгород ко двору великого князя Александра Ярославовича (Невского) в 1237 году. Он стал боярином, принял православие под именем Леонтия, получил в кормление город Торопец и в вотчину - село Курьж.

В средневековой Европе существовало единонаследование, когда вся собственность и привилегии доставались старшему сыну. Поэтому была традиция для младших, бедных аристократов поступать на военную службу к правителям других стран.

Сын Вильгельма Люнебургского, Карл (Андрей Леонтьевич), по прозвищу Челищ, дал начало фамилии: Челищевы. Он имел пятерых сыновей, участвовавших вместе с ним в Ледовом побоище (двое были убиты). Внук Карла, Андрей Федорович, крестник великого князя Ивана Даниловича Калиты, был женат на княжне Марии Углицкой (из Рюриковичей). Его сын, Михаил Андреевич Челищев (Бренко), ближний боярин и любимец великого князя Дмитрия Иоанновича, был убит в бою на Куликовом поле в 1380 году. Из Лицевого Свода и других летописей известно, что Михаил Андреевич был облачен в доспехи Дмитрия Донского, а князь рубился в одежде простого латника.

В дальнейшем среди дворян Челищевых, потомков Вильгельма Люнебургского было много заметных и уважаемых людей. Они служили посланниками, воеводами, стольниками..., участвовали в Казанском, Полоцком, Азовском, Крымских и Польских походах, в войнах со Швецией и Турцией, в Отечественной войне 1812 года..., а позже прошли через Первую мировую войну, Гражданскую войну, эмиграцию, ленинский красный террор и сталинские лагеря.

Мой дед Алексей Михайлович Челищев был правнуком Александра Ивановича Челищева, генерал-лейтенанта, главного начальника Артиллерийского Департамента Военной коллегии, создателя усовершенствованного прицела артиллерийских орудий, и внуком Николая Александровича Челищева, сенатора, члена Государственного совета, действительного тайного советника. Алексей Михайлович вырос в большой, дружной семье (4 брата и 3 сестры). Его сестра Мария Михайловна была замужем за Н. А. Львовым. Через Львовых мой отец и его сестры находились в двоюродном родстве с Бобринскими.

Мой дед был богатым помещиком и хорошим хозяином. Он имел доходные имения в Тульской и Тамбовской губерниях. Его отец Михаил Николаевич Челищев, тайный советник, гофмейстер был женат на Екатерине Алексеевне Челищевой (урожденной Хомяковой), которая надолго пережила своего мужа, была очень богата и отличалась многочисленными причудами. Так она однажды подарила сестре моего отца Кате кобылу с жеребенком и велела кучеру ввести их по лестнице в залу на втором этаже господского дома. Младшие сестры получили в подарок овцу с ягнёнком и наседку с цыплятами.

Моя бабушка Ольга Алексеевна Челищева была младшей дочерью А. С. Хомякова, славянофила и поэта, и Е. М. Языковой, сестры поэта Н. М. Языкова. Бабушка рано потеряла родителей. Опекунном младших детей был старший брат Дмитрий Алексеевич Хомяков, писатель и церковный деятель. Он принимал активное участие в воспитании и устройстве своих многочисленных сестер и брата Николая, который стал впоследствии политическим деятелем, председателем 3-й Государственной Думы (Столыпинской).

Детские годы моего отца прошли в поместье Федяшево, под Тулой, купленном для моей бабушки ее братом Дмитрием Алексеевичем как приданое, вдобавок к доходным имениям в Тульской и Симбирской губернии, доставшимся ей по наследству. Поместье Федяшево (в семье прозвонилось - Федешо'во) было куплено у дочери А. С. Пушкина Марии Александровны после трагической смерти ее мужа барона Гартунга. Барон застрелился прямо в здании суда, обвиненный в подлоге, к которому он был совершенно непричастен. В господском доме от старых хозяев осталась большая библиотека и картины, в том числе и крупный портрет Л. Н. Гартунга, написанный так, что барон все время смотрел на зрителя.

После женитьбы мой дед А. М. Челищев отказался от светского образа жизни в Москве, и Челищевы поселились в Федяшеве. Это была большая дружная семья: два брата и четыре сестры. Дом постоянно посещали родственники, знакомые, соседи. Когда братья пошли учиться в Поливановскую гимназии, на зиму стали переезжать в собственный дом в Москве. После скоропостижной смерти моего деда все заботы о семье и о делах легли на бабушку Ольгу Алексеевну.

Мой отец, Федор Алексеевич Челищев прослушал в Московском университете полный курс историко-филологического факультета, но отказался от диплома в знак протеста против сурового пресечения студенческих волнений. Он постоянно работал в земстве, участвуя в создании сельских школ. Отец много путешествовал по Европе, знал языки, играл на виолончели, всю жизнь писал стихи. В 1912 году он уезжал на Балканы добровольцем под марш "Прощание славянки" и был санитаром в сербской армии. В годы Первой Мировой войны отец находился на фронте в качестве санитара, а при Временном правительстве был мобилизован в артиллерию.

Сразу после ленинского Декрета о Земле от 8 ноября 1917 г. поместье Федяшево было разграблено местными крестьянами, как и большинство других дворянских усадеб по всей России. Конфискация

помещичьих имений и усадеб, и выселение их бывших владельцев юридически было закреплено Постановлением Президиума ВЦИК "О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах" от 20 марта 1920 года. В экспроприированном поместье Челищевых размещался детский дом, потом - правление совхоза. Двухэтажное кирпичное здание с башней сохранилось до сих пор. Сохранились и контуры парка с липовыми аллеями и прудами на двух уровнях.

В советское время мой отец дважды арестовывался. Первый раз - по спискам Всероссийского Церковного Собора. Отец был послан на Собор от мирян Тульской губернии. В то время он был хранителем музея своего деда А. С. Хомякова в поместье Богучарово. При изъятии церковных ценностей в храме Сретения Господня отец предложил внести фамильное серебро вместо богослужебной утвари, но чекисты увезли в Тулу и церковные ценности, и фамильное серебро. После ареста отца музей и церковь были закрыты.

Это было время, когда легко расстреливали, но еще надолго не сажали. После освобождения в 1925 году мой отец был выслан из Москвы ("минус шесть") и жил в Сергиевом Посаде со своей матерью. Здесь в то время возникло скопление "бывших", и чекисты держали всех более или менее заметных людей под пристальным вниманием. Отсюда мой отец снова был арестован, полгода провел в Бутырской тюрьме, а в 1926 году был осужден по групповому делу митрополита Петра (Полянского) вместе с П. В. Истоминым и П. Б. Мансуровым. Из обвинительного заключения следует, что группа "...ставила своей задачей сплочение реакционно-монархических элементов вокруг церкви и направление ее, т.е. церкви, против советской власти..." (Статья 58-6,62,68 УК РСФСР). По решению ОС при Коллегии ОГПУ мой отец был сослан на 3 года в Усть-Куломский уезд Коми АО, но находился на поселении около 5 лет. Митрополит Петр, местоблюститель патриаршего престола после смерти патриарха Тихона, тоже был отправлен в ссылку, а в 1937 году снова арестован и расстрелян.

Мои родители были знакомы еще по Сергиеву Посаду и поженились во Владимире, где они оказались, т.к. имели "минус" после ссылки. Владимир был одним из ближайших к Москве городом, где разрешалось жить "лишенцам". После Владимира были Муром, где я родился 9 июня 1933 года. Меня крестил Отец Сергей (Сидоров), ставший и моим крестным отцом. Позже Отец Сергей был арестован и вскоре расстрелян.

Это была настоящая внутренняя эмиграция. За отказ от соучастия в преступлениях режима приходилось расплачиваться ценой нищеты и бесправия, даже, жизни. Но на этом продержалась и, в какой-то степени, нравственно сохранилась та часть дворянской интеллигенции, которая осталась в России и пережила годы красного террора, гражданской войны и сталинских репрессий.

Из Муромы мы переехали в село Норское на Волге под Ярославлем, потом (в 1939 - 41 гг.) были Мытищи под Москвой.... Во время Войны наша семья снова оказалась во Владимире, в эвакуации. Федор Алексеевич Челищев умер во Владимире 20 января 1942 года и похоронен на Князь-Владимирском кладбище.

Хомяков Алексей Степанович (дед моего отца по женской линии) и его потомство.

Алексей Степанович (1 мая 1804 - 23 сентября 1860) славянофил и поэт, отец: Степан Александрович Хомяков, мать: Мария Алексеевна Киреевская.

Жена: Екатерина Михайловна Языкова (1817 - 1852),

отец: Михаил Петрович Языков,

мать: Екатерина Александровна Ермолова. **Дети:**

Дмитрий Алексеевич (27 сентября 1841 - 17 марта 1919).

Николай Алексеевич (19 января 1850 - 28 июля 1925), жена:

Наталья Александровна Драшусова (1851- 29 августа 1923), сын:

Алексей Николаевич, (6 апреля 1893 - 1919).

Мария Алексеевна (17 июня 1840 - 19 марта 1919).

Екатерина Алексеевна (24 мая 1843 - ?).

Анна Алексеевна (29 октября 1844 -1928),

за графом Михаилом Павловичем фон Граббе, (1834 - 1877), дети:

Павел Михайлович (1875 - 1943),

жена: Анастасия Георгиевна Демидова (1880 - 1920), дети:

Михаил Павлович, (1901 - 1920).

Юрий Павлович, о. Георгий, (1902 - 1995), (США),

жена: Варвара Максимовна Яржембская (1903 - 1977), дети:

Алексей Юрьевич (р. 1926).

Дмитрий Юрьевич (р. 1927),

жена: Ксения Константиновна Лихтенбергская, (р. 1930).

Анастасия Юрьевна (1925 - 2005),

за Владимиром Дмитриевичем Шатиловым (1923 - 1986).

Нина Павловна, м. Магдалина, (1903 - 1987), (Франция).

Дмитрий Михайлович (1874 - 1927), женат:
Первым браком:
на княжне Наталье Николаевне Львовой (1876 - 1898), дочь:
Мария Дмитриевна (1897 - 1952),
за князем Глебом Григорьевичем Гагариным (1887 - 1974), дети:
Олег Глебович (р. 1922).
Наталья Глебовна (р. 1923).

Вторым браком:
на Марине Александровне Голенищевой-Кутузовой (1880 - 1951), дети:
Ольга Дмитриевна (1902 - 1983),
за Михаилом Николаевичем фон Энденом, (1901 - 1975), дети:
Марна Михайловна (р. 1928).
Михаил Михайлович (р. 1930).
Екатерина Михайловна (р. 1935).
Софья Дмитриевна (1903 - ?),
за Константином Николаевичем Енгальчевым (1898 - 1941).
Елена Дмитриевна (1905 - 1920).
Анна Дмитриевна (1909 - ?),
за Борисом Юрьевичем Нечаевым (1902 - ?).
Вера Дмитриевна (1913 - 1920).
Мария Михайловна.
Софья Алексеевна (6 октября 1846 - 1902).
Ольга Алексеевна (25 февраля 1848 - 1932),
за **Алексеем Михайловичем Челищевым** (1847 - 1889), дети:
Федор Алексеевич (8 февраля 1879 - 20 января 1942), жена:
Ольга Александровна Грессер (23 февраля 1897 - 23 февраля 1981),
сын:
Николай Федорович, (р. 9 июня 1933).
Иван Алексеевич (2 сентября 1881), умер молодым.
Елена Алексеевна (р. 21 мая 1882), умерла ребенком.
Екатерина Алексеевна , (р. 11 июня 1884).
Мария Алексеевна (26 июня 1886 - 1973), за графом
Николаем Алексеевичем Бобринским (1890 - 1964), дети:
Алексей Николаевич (р. 19 апреля 1920 - 11 мая 1932),
Гавриил Николаевич (р. 22 января 1922), умер ребенком.
Анна Николаевна (р. 30 марта 1925), умерла ребенком.
Николай Николаевич (р. 17 марта 1927 - 2000), женат:
первым браком на Софье Владимировне Комаровской (1924 - 1994),
вторым браком на Вере Сергеевне Сидоровой.
От первого брака сын:
Алексей Николаевич.
Анна Алексеевна, за Михаилом Ивановичем Стаховым,
умерла 9 декабря 1923 г.

Хомяковы - дворянский род, известный с начала XVI века. Предки Алексея Степановича не раз достигали высших дворянских чинов. При Алексее Михайловиче (Тишайшем) один из Хомяковых ведал всей царской охотой. В Тульской губернии существовало несколько ветвей дворянского рода Хомяковых. Демид Алексеевич Хомяков, стольник и тульский воевода, поставил заслон против татарских набегов и способствовал развитию хлебопашества на Тульских черноземах. Бездетный потомок Демиды Алексеевича, помещик Кирилл Иванович Хомяков, живший в имении Богучарово, в старости предложил своим крепостным крестьянам самим выбрать себе помещика из рода Хомяковых. Крестьяне выбрали небогатого племянника своего престарелого барина - Федора Степановича Хомякова, прадеда Алексея Степановича. Может быть, поэтому А. С. Хомяков всегда высоко ценил власть, установленную путем всенародного избрания. Имение Липицы дед А. С., Александр Федорович Хомяков получил в приданое при женитьбе на Анастасии Ивановне Грибоедовой, тетке драматурга и дипломата Александра Сергеевича Грибоедова.

Родители А. С. Хомякова обладали крупным состоянием. Отец поэта, Степан Александрович Хомяков был человеком мягким, увлекающимся. Втянувшись в картежную игру, он едва не разорил семью, проиграв в Английском клубе в Москве целое состояние в миллион рублей. Мать поэта Мария Алексеевна была весьма религиозна и отличалась твердым характером. Она отстранила мужа от дел, взяла в свои руки управление доходными имениями и выплатила этот немислимо огромный для того времени долг.

При нашествии Наполеона московский дом Хомяковых на Петровке сгорел, и семья жила некоторое время в тульском поместье, а потом переехала в Петербург. Преподавателем русской словесности у юного Алексея Хомякова и его брата Федора в это время был известный писатель А. А. Жандр, друг Грибоедова и Катенина. Первые стихотворения А. С. Хомякова увидели свет в альманахах Рыльева и Бестужева "Полярная звезда".

В 1817 году семья возвратилась в Москву в заново отстроенный дом на Петровке (сразу за Большим театром, сохранился до наших дней). Братья Хомяковы брали частные уроки университетских профессоров. Позднее Алексей Степанович успешно окончил математическое отделение Московского университета со степенью кандидата.

В Москве сложилась долголетняя дружба с братьями Веневитиновыми и другими будущими славянофилами.

Во время военной службы в Петербурге, в лейб-гвардии Конном полку, А. С. Хомяков был близко знаком с гвардейской молодежью, из которой вышли почти все декабристы. И он, вероятно, попал бы под следствие, если бы находился в России. Хомяков узнал о восстании на Сенатской площади, будучи в Париже, и отнесся к этому событию с осуждением и сожалением. В своих дискуссиях с будущими декабристами на собраниях у Рыльева он горячо осуждал всякую революцию, и особенно - совершаемую военными. Но А. С. Хомяков был потрясен казнью декабристов, как и вся страна, в которой после Е. Пугачева уже никого не казнили.

В 1828 - 1829 годах Хомяков участвовал в войне с Турцией, был при взятии Варны и безуспешной осаде Шумлы. Он принимал участие в боях, был ранен, но сам никого не убивал, чему потом был очень рад. За храбрость Хомяков был награжден Владимирским крестом и двумя орденами Святой Анны. Он находился в Адрианополе при подписании мирного договора с Турцией, обеспечившего независимость Греции и автономию Молдавии, Валахии и Сербии. Именно в это время у Хомякова сформировался пристальный интерес к судьбе южных и западных славян. Болезненно отреагировал Алексей Степанович и на усмирении польского восстание 1831 года, нарушавшее его представления о славянском братстве.

А. С. Хомяков был женат на Екатерине Михайловне Языковой, младшей сестре поэта Н. М. Языкова. (Языковы - старинный дворянский род, поднимавшийся до боярского звания.) Екатерина Михайловна пользовалась уважением и любовью окружавших ее людей, в том числе Пушкина и, особенно, Гоголя. В семье англофилов Языковых Екатерину Михайловну звали Kitty, также звал ее и Алексей Степанович. Семейная жизнь была омрачена смертью двух первых детей. Но потом появились новые дети (два сына и пять дочерей). Смерть Екатерины Михайловны была неожиданна и произошла на четвертом месяце очередной беременности. Эта смерть повергла Алексея Степановича в полное уныние. Он так никогда и не оправился полностью от этого жестокого удара судьбы.

После окончательного выхода в отставку А. С. Хомяков лето проводил в Тульском имении Богучарово или Смоленском - Липицы. Здесь были написаны многие стихи, а также публицистические, исторические и богословские труды. Хомяков обладал разносторонними

способностями: поэт, драматург, публицист, историк, богослов, философ, художник, изобретатель..., и даже врач-гомеопат. Он увлеченно занимался хозяйством, строительством, любил псовую и ружейную охоту. Доходные имения были разбросаны по Тульской, Рязанской и Смоленской губерниям, и Хомяков проводил много времени в разъездах. Для своих крестьян он заменил барщину оброком, а рабочим дал вольную и платил жалование.

Зиму А. С. Хомяков проводил в Москве, в собственном доме на Собачьей площадке, купленном у князя Лобанова-Ростовского. Здесь бывал Пушкин, Лермонтов, Гоголь. А. С. Хомяков высоко ценил художника А. Иванова, и в доме висело несколько полотен его работы. Много лет Хомяков занимал пост председателя Общества любителей русской словесности при Московском университете. Общество издавало печатные труды и вело активную работу по популяризации русской литературы и собиранию устных произведений народного творчества. По инициативе Хомякова действительным членом Общества был принят Л. Н. Толстой.

А. С. Хомяков скоропостижно умер от холеры 23 сентября (5 октября) 1860 год в возрасте 57 лет, заразившись при оказании помощи больным крестьянам. Он лишь одного года не дожил до отмены крепостного права, но активно участвовал в работе подготовительной комиссии. Алексей Степанович похоронен на Новодевичьем кладбище. После смерти о нем с глубоким уважением отзывались такие разные люди как Герцен и Толстой, а позднее Бердяев и Флоренский.

Старший сын Алексея Степановича Хомякова, Дмитрий Алексеевич, писатель и церковный деятель, автором книг "Православие", "Самодержавие", "Народность"... , не имел потомства. Младший сын Хомякова, Николай Алексеевич занимался политикой, был председателем 3-ей Государственной Думы, а после Революции примкнул к Белому движению, оказался в эмиграции и похоронен в Дубровнике (Хорватия). Потомство А. С. Хомякова по мужской линии оборвалось со смертью его единственного внука, сына Н. А. Хомякова в 1919 году. По женской линии потомки А. С. Хомякова имеются как в России, так и в разных странах за рубежом. Теперь я остался последним правнуком А. С. Хомякова.

В доме на Собачьей площадке после смерти Алексея Степановича жила его старшая дочь Мария Алексеевна, ставшая после Революции хранительницей организованного здесь Музея 40-х годов, куда попал архив А. С. Хомякова, вывезенный из Богучарова. Мария Алексеевна

умерла почти в один день со своим братом Дмитрием Алексеевичем Хомяковым в марте 1919 года. Брат и сестра были похоронены одновременно на Даниловском кладбище в Москве.

Музей 40-х годов вскоре был закрыт, и весь архив оказался в Историческом музее, а фамильные портреты и картины сначала были переданы в Румянцевский музей, и при его расформировании попали в запасники Третьяковской галереи. После закрытия Музея 40-х годов в Хомяковском доме на Собачьей площадке долгие годы размещалось Гнесинское музыкальное училище. Собачья площадка вместе с этим домом, к большому сожалению коренных москвичей, была снесена по команде Хрущева при прокладке Нового Арбата.

Грессер Петр Аполлонович (дед моей матери по мужской линии) и его потомство.

Петр Аполлонович (1833 - 1892), генерал-лейтенант, петербургский градоначальник (1883 - 1892 гг.), отец: Аполлон Карлович Грессер (1790 - 1873), гвардии генерал-майор, участник Бородинского сражения, мать: Елизавета Карловна Рашет (1807 - 1869).

Жена: Надежда Петровна Палибина (1846 - 1895), по матери итальянка.

Сын:

Александр Петрович (1872 - ?), жена:

Надежда Сергеевна Чичерина, (21 марта 1875 - 23 февраля 1897), дочь:

Ольга Александровна (23 февраля 1897 - 23 февраля 1980),

за **Федором Алексеевичем Челищевым** (1879 - 1942), сын:

Николай Федорович (р. 9 июня 1933).

Вторая жена: Вера Петровна Расторгуева (по отчиму Комисарова).

Дети:

Петр Александрович, погиб на фронте под Москвой в 1941 году.

Мария Александровна, имела двух дочерей.

Братья Грессеры (курляндские дворяне) прибыли в Россию на военную службу из Германии при императоре Петре Первом. Все они участвовали в войнах со Швецией и Турцией, и в Отечественной войне 1812 года.

Мой прадед Петр Аполлонович Грессер - боевой генерал, герой Плевны был не только успешным военным, но также и хорошим администратором, градоначальником Санкт-Петербурга с 1883 по 1892 год. И он предотвратил покушение на императора Александра III в

марте 1887 года. Пятеро террористов, в том числе А. И. Ульянов (брат В. И. Ленина) были арестованы и казнены в Шлиссельбургской крепости. Потом Владимир Дуров выступал в цирке с особым номером, где выносил на сцену большой мешок, из которого вытаскивал по очереди маленького поросенка и произносил: "Клайн", потом - поросенка побольше, и говорил: "Гросс" и, наконец - целую свинью и кричал: "Грессер!". Однако П. А. Грессер много сделал для улучшения условий жизни в столице. Он провел реорганизацию полиции, пожарной охраны, упорядочил извозный промысел. При нём в Санкт-Петербурге была построена Центральная тюрьма Кресты, осуществлено электрическое освещение Невского проспекта...! Скоропостижная смерть градоначальника в 1892 году вызвала всеобщее сожаление жителей Петербурга. Петр Аполлонович похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Отец моей матери Александр Петрович стал первым в семье Грессеров мужчиной, отказавшимся от военной карьеры, хотя и был выпущен из Пажеского корпуса офицером лейб-гвардии Конного полка. Но это не помешало ему стать добровольцем в начале Первой Мировой войны. А. П. Грессер на свои средства организовал подвижный, автомобильный санитарный отряд, и находился на фронте вплоть до тяжелого ранения в конце 1916 года. Во время Гражданской войны А. П. Грессер оказался в Омске. После отступления Колчака из города он стал профессором Омского университета (заведовал кафедрой иностранных языков). В 1935 году Александр Петрович возвратился в Москву и жил у своей дочери Марии Александровны (сводной сестры моей матери), но позже был арестован. Время и место смерти, и захоронения моего деда не установлено.

Моя бабушка Надежда Сергеевна Грессер (Чичерина) умерла при рождении моей матери. В возрасте семи лет моя мать неожиданно оказалась в Англии, куда ее отправили с гувернанткой-англичанкой, когда ее отец решил повторно жениться. Потом она часто вспоминала, как мерзла зимой в холодном английском доме, где постель на ночь подогревали специальной грелкой, как играла вместе с мальчишками в футбол. У них в классе училась безрукая девочка, которая писала ногой. Мать любила рассказывать о посещении королевских конюшен. В Лондоне ее поразил огромный стеклянный инкубатор, в котором на глазах у всех прохожих вылуплялись цыплята.

В Россию моя мать возвращалась через предвоенную Европу с остановками в Париже и Женеве. Она успела до Революции окончить

гимназию и курсы иностранных языков, на основе которых возник позднее небезызвестный Институт им. М. Тореца. Её богатая мачеха Вера Петровна Комисарова держала открытый дом в Москве на Сивцевом Вражке, где постоянно бывали актеры московских театров. Сводный брат Веры Петровны А. М. Комисаров стал в советское время довольно известным актером Художественного театра, и я не один год пользовался бесплатной контрамаркой для входа во МХАТ. Мать тоже выдержала вступительные экзамены в театральную студию Вахтангова, но побоялась сказать об этом отцу.

По окончании языковых курсов моя мать начала преподавать в гимназии, но после Октябрьского переворота французский язык, как "буржуазный", был исключен из всех программ, и ее уволили. Она участвовала в возвращении из Елабуги в Москву большой группы московских детей, находившихся на отдыхе. В Гражданскую войну моя мать оказалась с Белой армией на Кавказе, окончила курсы медицинских сестер и участвовала в боях, а когда пришли красные, снова работала в госпитале по мобилизации. В Москву моя мать возвратилась в самый разгар гонений на церковь. Она была арестована при разгроме Засимовой пустыни (под Сергиевым Посадом) и, также как отец, прошла через Бутырскую тюрьму, а потом попала в ссылку.

Преподавание в школе было запрещено для "лишенцев", и мать так и проработала всю жизнь медсестрой без диплома (документ об окончании курсов медсестер в Новороссийске, был сожжен при приходе красных). Из владимирской эвакуации мы вернулись в Подмосковье. Мать работала во временной реабилитационной психбольнице в Тарасовке, а потом перевелась в областную психбольницу на 57 км (Абрамцево). Ярославской железной дороги. Здесь я с медалью закончил Хотьковскую среднюю школу и поступил на геофизический факультет МГРИ. Во время учебы я жил в Москве у Бобринских.

Только после войны моя мать смогла подрабатывать уроками иностранных языков. Среди ее учеников были дети советских ответственных работников и слушатели академии Внешторга. Кира Виноградова, дочь министра здравоохранения РСФСР, и после прекращения уроков часто навещала мою мать. Гимназическая подруга матери тетя Неточка Дилигенская сделала успешную карьеру, преподавала в МГУ, и работала в ТТАСС, и присылала к матери взрослых учеников

Лишь последние несколько лет мать прожила в благоустроенной однокомнатной квартире в Хотькове. Я часто посещал мать, и однажды мне удалось уговорить ее начитать воспоминания на магнитофон.

При переходе к советскому времени она прервалась, и потом никогда не захотела продолжить. Моя мать так и не пожелала переезжать в Москву, умерла 23 февраля 1981 году (в день своего рождения), и похоронена на городском кладбище в Хотькове (не доезжая Загорска).

Моя мать часто повторяла, что если бы не Революция и Гражданская война, я мог бы и не появился на свет. В дореволюционной России это были разные круги: московские богатые и родовитые помещики Челищевы и питерские военные сановники Грессеры. Сейчас это уже трудно понять. У Брокгауза статья о Челищевых не на много больше, чем статья о Грессерах.

Чичерин Павел Петрович (прадед моей матери по женской линии) и его потомство.

Павел Петрович (22 января 1810 - 12 февраля 1875),

полковник лейб-гвардии Конного полка,

отец: Петр Александрович (1778 - 1848), генерал от кавалерии,

мать: княжна Александра Алексеевна Куракина (1788 - 1819).

Жена: княжна Ольга Павловна Голицына (3 мая 1819 - 26 мая 1886),

отец: князь Павел Алексеевич Голицын (1782 - 1849),

мать: Варвара Сергеевна Кагульская (Румянцева) (1791 - 1875), **сын:**

Сергей Павлович (13 декабря 1840 - 1891),

генерал-майор лейб-гвардии Конного полка, жена:

Александра Николаевна Кеммерер (1842-1931),

известная петербургская балерина.

Дети:

Тихон Сергеевич (11 сентября 1869 - 22 марта 1904).

Василий Сергеевич (1870 - 1915).

Надежда Сергеевна (21 марта 1875 - 23 февраля 1897),

за **Александром Петровичем Грессером** (1872 -?), дочь:

Ольга Александровна (23 февраля 1897- 23 февраля 1980),

за **Федором Алексеевичем Челищевым** (1879 - 1942), сын:

Николай Федорович (р. 9 июня 1933).

Вера Сергеевна (6 декабря 1876).

Любовь Сергеевна (1882 - 1970),

за **Андреем Андреевичем Васильевым** (1876 - 1938), дети:

Марина Андреевна (1904 - 1994).

Наталья Андреевна (1905 - 1992).

Ирина Андреевна (1907 - 1998).

Варвара Павловна (р. 27 февраля 1839 - 1910),

за **графом Юрием Александровичем фон Борх** (1836 - 1908), сын:

Борис Юрьевич (1859 - 1917), жена: Элизабет Эск (1876 - 1968), сын:
Юрий (Георгий) Александр Борисович (1896 - 1970),
жена: Мария Тиран (р. 1902), дочь:
Татьяна Юрьевна (1926 - 1990),
за Андреем Даниловичем Кованько (р. 1912).

Родоначальник фамилии Афанасий Чичери - итальянский архитектор выехал в 1472 году из Италии в Москву в свите Софии Палеолог ко двору великого князя Ивана III. Он участвовал в сооружении московских церквей, в том числе и на территории Кремля. Позже дворяне Чичерины служили стольниками, воеводами, посланниками..., участвовали в Казанском походе и событиях Смутного Времени, подписывались под грамотой об избрании на престол царя Михаила Федоровича Романова, принимали участие в Азовском походе Петра I и войнах со Швецией...

Отец Павла Петровича, Петр Александрович Чичерин, боевой генерал, участник Отечественной войны 1812-14 годов и взятия Парижа, увез жену Александру Алексеевну Куракину у мужа Н. С. Салтыкова, и женился на ней без формального развода. Однако позже все дети от этого брака (четыре сына и две дочери) были признаны законными по Высочайшему указу Александра I, в том числе и прадед моей матери Павел Петрович Чичерин. Двоюродным братом Павла Петровича был Борис Николаевич Чичерин, московский городской голова (1882-83 гг.), известный юрист, философ и педагог. Племянник Бориса Николаевича, Георгий Васильевич Чичерин стал наркомом иностранных дел РСФСР и СССР (1918-1930 г.г.). Дед моей матери, генерал-майор лейб-гвардии Конного полка Сергей Павлович Чичерин был женат на Александре Николаевне Кеммерер, известной петербургской балерине, оставившей сцену в 1879 году.

Детство моей матери прошло в поместье Чичериных Ольгино (Петрятково) под Александровом (Владимирской губернии), полученном ее прадедом Павлом Петровичем Чичериным в приданое при женитьбе на княжне Ольге Павловне Голицыной, правнучке фельдмаршала Румянцева, побочного сына императора Петра I. Мать будущего полководца, графиня Мария Андреевна Матвеева была выдана замуж в 19-летнем возрасте за приближенного к императору Александра Ивановича Румянцева. Она пользовалась особым расположением Петра I, и как считают многие историки, в январе 1725 года родила от него сына. Крестной матерью младенца стала императрица Екатерина I. Неожиданная смерть императора могла послужить поводом, назвать

новорожденного Петром. При императрице Елизавете Петровне Александру Ивановичу Румянцеву был пожалован графский титул. Графиня Мария Андреевна Румянцева (Матвеева) приходилась внучкой княжне (герцогине) Евдокии Григорьевне Гамильтон (Матвеевой), по происхождению шотландке, находившейся в прямом родстве с королевским домом Стюартов в Великобритании.

Граф Петр Александрович Румянцев сделал блестящую военную карьеру. Императрица Екатерина II назначила Петра Александровича Румянцева генерал-губернатором Малороссии. После разгрома превосходящих сил турецкой армии при реке Кагул (приток Дуная) в 1770 году и других побед в войне с Турцией он получил маршальский жезл и приставку к фамилии "Задунайский". Генерал-фельдмаршал Петр Александрович Румянцев-Задунайский был женат на княжне Екатерине Михайловне Голицыной, дочери фельдмаршала М. М. Голицына, и имел от нее трех сыновей (Михаила, Николая и Сергея).

Сергей Петрович Румянцев не был женат, так же как и другие его братья, но имел трех внебрачных дочерей с Анастасией Николаевной Нелединской-Мелецкой (графиней Головиной), получивших фамилию Кагульских (в память о битве при Кагуле!). Старшая дочь, Варвара Сергеевна, была замужем за действительным статским советником, камергером князем Павлом Алексеевичем Голицыным. Княгиня Варвара Сергеевна Голицына и стала матерью княжны Ольги Павловны Голицыной (в замужестве Чичериной).

Моя бабушка Надежда Сергеевна Чичерина (в замужестве Грессер), умерла при родах дочери 23 февраля 1897 года. Воспитанием моей матери о занимались няни и гувернантки. Моя Мать очень любила своего дядю Тихона Сергеевича, ученого-энтомолога, который участвовал в экспедициях Семенова-Тяньшаньского, и охотно показывал своей племяннице коллекцию жуков и других насекомых, в том числе и с Мадагаскара. Тихон Сергеевич застрелился 22 марта 1904 года в результате крупного проигрыша. Позже поместье Ольгино было продано и не сохранилось до наших дней.

Бурные события 20-го века разрушили многовековую преемственность дворянских родов, потерявших статус, собственность и рассеянных по разным странам. Поэтому современный срез родословных сведений является неполным. Просматривая родословную рода Челищевых, поражаешься, как из раннего Средневековья (13-й век!) могли сохраниться имена, прозвища, даты, звания... всех колен без единого пропуска. У Руммеля на 1887 год для основной ветви рода Челищевых

приведено 21 колено и 313 потенциальных отцов семейств. В 21 колене 312 номером значится мой отец Федор Алексеевич Челищев, а 313 - его рано умерший брат Иван. Если бы список продолжался, я бы оказался в 22 колене под номером 314.

Обращает на себя внимание устойчивый набор имен, повторяющий имена умерших предков. Здесь не встретишь редких имен из святцев, и тем более, экстравагантных имен вне святцев. Только в первом колене потомков Вильгельма Люнебургского сохранены родовые имена и прозвища. Старший сын Карл, в крещении Андрей Леонтьевич, по прозвищу Челищ дал начало фамилии: Челищевы. От прозвищ младших братьев - Панцырь и Глазатый произошли фамилии Панцыревых и Глазатовых.

Н. А. Челищев в "Сборнике материалов для истории рода Челищевых" для 1-го колена (Вильгельма Люнебургского, в крещении Леонтия) приводит следующую выписку: "В прошении от 17 августа 1793 года, поданном Правительственному Сенату капитаном Александром Тимофеевичем Челищевым, Леонтий показан родоначальником Челищевых в приложенной к прошению поколенной таблице (Московский Архив Министерства Юстиции, справка Разрядного Архива, кн. 113, дело 76, 1793 г.) ". Поколенные таблицы основывались на достаточно надежных, хотя и не всегда полных, церковноприходских записях о рождении, венчании и смерти. Но, как мы видим, подробная родословная дворян Челищевых (потомков Вильгельма Люнебургского) формировалась только в конце 18-го века!

Кроме того Н. А. Челищев указывает на семейства, имеющие фамилию Челищевых более позднего происхождения. Использование дворянских фамилий другими сословиями происходило в разное время и по разным причинам. Однако претензии "новых Челищевых" на включение в родословную потомков Вильгельма Люнебургского периодически возникают.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

ШОТЛАНДСКИЙ СЛЕД.

Принято считать, что европеизация в России началась с Петра I. Однако еще в 1472 году ко двору великого князя Ивана III вместе с Софией Палеолог в Москву приехала большая свита европейцев, в том

числе и родоначальник фамилии Чичериных, итальянский архитектор Афанасий Чичери. При царе Иване IV в 1554 году в Лондоне была основана "Московская компания" для прямой торговли с Россией через Архангельск. Смутное время привело к наплыву в Москву поляков и других иностранцев.

Царь Алексей Михайлович, сын царя Михаила Федоровича (первого Романова), несмотря на свое народное прозвище Тишайший, много сделал для формирования и укрепления российской государственности. Он осуществил присоединение Левобережной Малороссии с Киевом к России и подавил мятеж Стеньки Разина. При нем был введен новый свод законов "Соборное Уложение" и проведена церковная реформа патриарха Никона, включавшая исправление богослужебных книг по древним рукописям. При царе Алексее Михайловиче количество иностранцев в столице резко увеличилось. Именно тогда в Москве возникла Немецкая Слобода.

Боярин Сергей Матвеев, дипломат и посланник в правление царя Михаила Федоровича, дал своему сыну Артамону европейское воспитание и образование. Артамон Сергеевич Матвеев был женат на шотландке, герцогине Гамильтон, знал основные европейские языки и придерживался европейского образа жизни. Наследник престола Петр Алексеевич, как и его мать Наталья Нарышкина, были воспитанниками Артамона Матеева, и выросли в европейской домашней обстановке. Поэтому не было ничего неожиданного в том, что став самодержцем Петр I начал культивировать в России европейский стиль жизни, к которому сам привык с детства.

Артамон Сергеевич Матвеев, дед Марии Андреевны Матвеевой (Румянцевой).

Боярин Артамон Сергеевич Матвеев (1625 - 25 мая 1682), посланник в Англии при царе Алексее Михайловиче.

Жена: светлейшая княжна (герцогиня) **Евдокия Григорьевна Гамильтон**, шотландка, находящаяся в прямом родстве с королевским родом Стюартов.

Сын:

Андрей Артамонович Матвеев (15 августа 1666 - 16 сентября 1728), дипломат, посол в ряде стран Европы.

1-ая жена с 1684 года **Анна Степановна Аничкова** (ум. 1699), дочь стольника С. А. Аничкова.

Дети:

Алексей Андреевич, не был женат.

Мария Андреевна (1699 - 1788),

за графом **Александром Ивановичем Румянцевым** (1680 - 1749).

Дети:

Петр Александрович (1725 - 1796), генерал-фельдмаршал.

(Смотрите приложение: ГРАФЫ РУМЯНЦЕВЫ.)

Екатерина Александровна (1721 - 1786),

за Николаем Михайловичем Леонтьевым (1717 - 1769),

Дарья Александровна (конец 1723 - 1809);

1-й муж - граф Франц Иосиф Вальдштейн (1719 - 1758),

2-й муж - князь Юрий Никитич Трубецкой (1736 - 1811), сын:

Никита Юрьевич (1699 - 1767), генерал-прокурор.

Прасковья Александровна (1729 - 1786),

за графом **Яковом Александровичем Брюсом** (1732 - 1791),

петербургским генерал-губернатором (1784-1791).

2-ая жена Анастасия Ермиловна, урождённая княжна Бяратинская, в первом браке Аргамакова, дети:

Федор Андреевич (1706 - 1734), подполковник, не был женат.

С его смертью прекратился род графов Матвеевых.

Наталья Андреевна,

за князем Василием Ивановичем Мещерским (1696 - 1776).

Прасковья Андреевна, за Амилием Степановичем Шепелевым, сын:

Петр Амилиевич Шепелев (1737 - 1828) - генерал-поручик, жена:

Надежда Васильевна Измайлова, урожденная Энгельгардт.

Боярин Артамон Сергеевич Матвеев, посланник царя Алексея Михайловича в Англии, привез в Россию жену, герцогиню Гамильтон в конце 1650 года. Супруга боярина приняла Православие под именем Евдокии Григорьевны. Однако в хрониках, мемуарах и записках современников ее постоянно именовали не боярыней Матвеевой (по мужу), а светлейшей княжной Евдокией Григорьевной Гамильтон. Такой титул, свидетельствующий о королевском происхождении Евдокии, был указан в британской королевской Герольдии.

В России присутствовала и другая ветвь Гамильтонов, происходящая от Томаса Гамильтона, прибывшего ко двору царя Ивана IV, и сохранившаяся под русифицированной фамилией Хомутовых. В середине XVII века Англия была охвачена революцией и гражданской войной между роялистами, сторонниками династии Стюартов, и республиканцами во главе с Оливером Кромвелем. Значительное количество английских аристократов в России того весьма далекого времени

(Брюсы, Гамильтоны, Гордоны, Грэхемы, Делзеллы, Друммонды...) могло быть связано с бегством из раздираемого междоусобицей Туманного Альбиона. В народе, вместе с другими иностранцами, все они воспринимались как "немцы".

Воспитанницей Артамона Сергеевича Матвеева была будущая царица Наталья Нарышкина, вторая жена царя Алексея Михайловича. Она родилась в августе 1651 года в семье боярина Кирилла Нарышкина от его жены Анны (в девичестве Раевской). Но существует и более экстравагантная гипотеза, по которой сама Наталья Кирилловна была внебрачной дочерью светлейшей княжны Евдокии Григорьевны Гамильтон, и боярин Артамон Матвеев "прикрыл грех венцом" (Ю. А. Остроумов, "Петр Великий - лорд Гамильтон?"). Наталья Нарышкина получила западное образование, а также была воспитана в духе свободного общения, в отличие от многих московских "теремных боярышень" того времени. Алексей Михайлович, часто запросто бывавший в доме Артамона Матвеева, женился на Наталье Нарышкиной вторым браком в 1671 году. Позже ее сын Петр Алексеевич, будущий император, тоже стал воспитанником Артамона Матвеева.

После смерти Алексея Михайловича родственники старшей дочери Царя от первого брака Софьи Алексеевны - бояре Милославские, желавшие отстранить Нарышкиных от власти, подняли в 1682 году стрельцкий бунт, жертвой которого стал Артамон Матвеев. Он был растерзан бунтовщиками на глазах у малолетнего Петра Алексеевича, будущего императора. И Петр I отказался от использования стрельцов, полностью заменив их регулярной армией европейского типа.

Шотландский род Гамильтонов происходил по прямой линии от короля Ирландии Эдварда Брюса, на дочери которого, принцессе Изабелле был женат сэр Гильберт Гамильтон. Эдвард Брюс приходился родным братом королю Шотландии Роберту I Брюсу. На дочери короля Роберта I Брюса в 1315 году женился сэр Уолтер Стюарт, сын которого был возведен на королевский престол Шотландии под именем Роберта II Стюарта. Он стал основателем династии Стюартов. Род Гамильтонов считался первым по знатности в Шотландии после Стюартов и сохранял права на наследование шотландского престола.

Род Гамильтонов сыграли заметную роль в становлении государственности Шотландии и Англии. Герцог Джеймс Гамильтон командовал объединенным войском шотландцев и роялистов в битве при Престоне, и был разбит Кромвелем. Также как король Карл I, он погиб на эшафоте в 1649 году. С этими событиями могло быть как-то связано и

появление светлейшей княжны (герцогини) Евдокии Григорьевны Гамильтон в России, как раз, в 1650 году.

Российские Брюсы также имели родственные связи с шотландским королевским домом. Яков Вильямович Брюс, наставник и соратник Петра I, сопровождал юного Царя, оставившего в Голландии всю свиту, при поездке в Англию и Шотландию, где Петр Алексеевич посетил родовые поместья Гамильтонов. Брат Якова, Роберт Вильямович Брюс был дедом Якова Александровича Брюса, мужа Прасковьи Александровны Румянцевой. Этот шотландский след со времен царя Алексея Михайловича и его сына, императора Петра I сохранился до наших дней в виде Андреевского флага.

Сын Артамона Матвеева и Евдокии Гамильтон, Андрей Артамонович, родившийся в 1667 году, также получил западное образование и воспитание. Он был приближен к Петру I, направлялся послом в ряд европейских стран и удостоился графского титула. Дочь Андрея Артамоновича, графиня Мария Андреева Матвеева, в 19-летнем возрасте была выдана замуж за Александра Ивановича Румянцева, по настоятельному желанию императора Петра I. Она уже имела двух дочерей, когда в январе 1725 родила сына, пока ее муж Александр Иванович Румянцев длительное время находился за границей в качестве посланника сначала в Турции, а затем в Персии.

По мнению ряда уважаемых историков, в том числе великого князя Николая Михайловича Романова, автора многих исторических трудов, Мария Андреевна Румянцева (Матвеева) была любовницей Петра I, и Петр Александрович Румянцев приходился внебрачным сыном императору Петру I. Крестной матерью младенца была императрица Екатерина I, давшая ему имя Петр, уже после смерти императора. При императрице Елизавете Петровне Александру Ивановичу Румянцеву был пожалован графский титул.

ГРАФЫ РУМЯНЦЕВЫ.

Петр Александрович Румянцев, прадед княжны Ольги Павловны Голицыной (Чичериной).

Граф Петр Александрович Румянцев, (1725 - 1796),
внебрачный сын императора Петра I, генерал-фельдмаршал.
Отец (приемный): граф Александр Иванович Румянцев (1680 - 1749),
генерал-аншеф, политик.

Мать: графиня Мария Андреевна Матвеева (1699 - 1788).

Жена: княжна Екатерина Михайловна Голицына (1724 - 1779).

Отец: князь Михаил Михайлович Голицын (1675 - 1730), генерал-фельдмаршал.

Мать: княжна Татьяна Борисовна Куракина (1696 - 1757).

Дети:

Михаил Петрович, (1751 - 1811), генерал-лейтенант, сенатор, не был женат.

Николай Петрович, (1754 - 1826), канцлер, меценат, коллекционер, не был женат.

Сергей Петрович, (1755 - 1838) политик, дипломат, сенатор, меценат.

Жена (гражданская) **Анастасия Николаевна Нелединская-Мелецкая** (графиня Головина),

Дети (Кагульские):

Варвара Сергеевна, (1791 - 1875),

за князем **Павлом Алексеевичем Голицыным**, (1782 - 1849), дети:

Николай Павлович (1814–1886).

Сергей Павлович (1815–1888).

Михаил Павлович (1825–1868).

Зинаида Павловна (1813–1866),

за князем Николаем Александровичем Щербатовым.

Ольга Павловна (3 мая 1819 - 26 мая 1886),

за **Павлом Петровичем Чичериным** (1810 - 1875),

Варвара Павловна (1820–1857),

за графом Василием Сергеевичем Шереметевым.

Мария Павловна (1826–1881),

за Владимиром Владимировичем Скарятиним.

Екатерина Сергеевна (1806 - 1826, умерла при родах),

за князем П. И. Мещерским,

Зинаида Сергеевна (1811 - 1879),

за генерал-лейтенантом Н. А. Дивовым,

Граф Петр Александрович Румянцев, несмотря на все свои юношеские скандальные похождения, пользовался постоянным расположением императрицы Елизаветы Петровны и сделал блестящую военную карьеру. В ходе Семилетней войны Румянцев отказался от осад и взятия крепостей, как прежде, а впервые сделал ставка на ведение быстрых, маневренных наступательных военных действий. Суворов участвовал в Семилетней войне под командованием Румянцева, и в дальнейшем блестяще развил эту новую стратегию.

Императрица Екатерина II после увольнения от должности гетмана Разумовского сразу назначила П. А. Румянцева генерал-губернатором

Малороссии, дав ему обширную инструкцию, по которой он должен был способствовать более тесному объединению Малороссии с Россией в административном отношении. Румянцевым была составлена знаменитая "генеральную опись" Малороссии. Он ввел там общерусские порядки, российское административно-территориальное деление и местное устройство.

За разгром превосходящих сил турецкой армии при реке Кагул (приток Дуная) в 1770 году, и другие победы в войне с Турцией, Румянцев получил маршальский жезл и приставку к фамилии "Задунайский". В честь этой победы П. А. Румянцева был возведен памятник-обелиск. Военные победы над превосходящей турецкой армией завершились всеобъемлющим Кючук-Кайнарджийским мирным договором с Турцией, который обеспечил России выход к Черному морю и устранил протекторат Турции над Крымским ханством. Договор 1775 г. положил начало процессу присоединения к Российской империи территории Северного Причерноморья, Кубани и причерноморских областей Кавказа, завершившийся в 1810-х гг. присоединением Бессарабии и западной Грузии.

Именно этот договор быстро привел к возникновению Новороссии и присоединению Крыма к Российской империи путем переговоров. С этого времени начинается новая, российская история Северного Причерноморья и Крыма. Здесь развил свою кипучую деятельность князь Г. А. Потемкин. Однако у П. А. Румянцева не сложились отношения с тогдашним фаворитом Екатерины II Потемкиным, и ему пришлось выйти в отставку и удалиться от дел. П. А. Румянцев умер в 1796 году, пережив всего на несколько дней Екатерину Великую, и был похоронен в Киево-Печерской лавре.

Фельдмаршал Петр Александрович Румянцев-Задунайский по заслугам считается основоположником российской военной доктрины. Принципы отказа от генеральных сражений, осады крепостей, и маневренная, наступательная стратегия и тактика ведения военных действий были успешно им продемонстрированы на полях сражений Семилетней и двух русско-турецких войн. Румянцев указывал на важность экономических аспектов строгого соблюдения соразмерности военных расходов с возможностями страны, говоря, что благосостояние армии зависит от благосостояния всего народа.

Петр Александрович Румянцев был женат на княжне Екатерине Михайловне Голицыной, дочери фельдмаршала М. М. Голицына, и имел от нее трех сыновей (Михаила, Николая и Сергея).

Сергей Петрович Румянцев не был женат, так же как и другие его братья, но имел трех внебрачных дочерей с Анастасией Николаевной Нелединской-Мелецкой (графиней Головиной), получивших фамилию Кагульских. Позже все они были признаны как графини Румянцевы: Екатерина Сергеевна, замужем за полковником князем П. И. Мещерским, Зинаида Сергеевна, замужем за генерал-лейтенантом Н. А. Дивовым, и Варвара Сергеевна, замужем за действительным статским советником, князем Павлом Алексеевичем Голицыным. Княгиня Варвара Сергеевна Голицына и стала матерью княжны Ольги Павловны Голицыной, в замужестве Чичериной, прабабушки моей матери.

Граф Сергей Петрович Румянцев, дипломат, политик и меценат, вошел в историю как инициатор Указа о вольных хлебопашцах 1803 г., позволявшего помещикам освобождать крепостных крестьян с земельным наделом. После смерти брата Николая Петровича, канцлера, мецената и коллекционера, учредителя Румянцевского музея, Сергей Петрович принял активное участие в обустройстве и организации Румянцевского музея в Санкт-Петербурге, открытого в 1831 году. На свои средства он произвел необходимую перестройку дома Румянцевых на Английской набережной, пополнил коллекцию брата новыми предметами из семейного мемориального собрания..., и передал Румянцевский музей в ведение Министерства Народного Просвещения.

Библиотека в 10 тыс. томов, а также портрет Сергея Петровича Румянцева работы художника Тропинина... поступили в Музей по завещанию, уже после смерти графа в 1838 году. На графе Сергее Петровиче Румянцеве закончилась непродолжительная (всего три поколения) мужская линия рода графов Румянцевых, внебрачных потомков императора Петра I.

Позже Румянцевский музей был целиком перемещен в Москву, в дом Пашковых, а в советское время расформирован. Старинные рукописи и книги остались в Ленинской библиотеке, исторические артефакты попали в Музей изобразительных искусств им. Пушкина, а уникальная коллекция уральских самоцветов оказалась в Минералогическом музее АН СССР и музее МГРИ.

Новые графы Матвеевы и Румянцевы оказались нежизнеспособными. Мужская линия рода графов Матвеевых имела только 2 поколения, а мужская линия рода графов Румянцевых - всего 3 поколения. Сохранилось только родство по женским линиям. Однако эти мои предки внесли существенный вклад в становление России в качестве значительного европейского государства.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

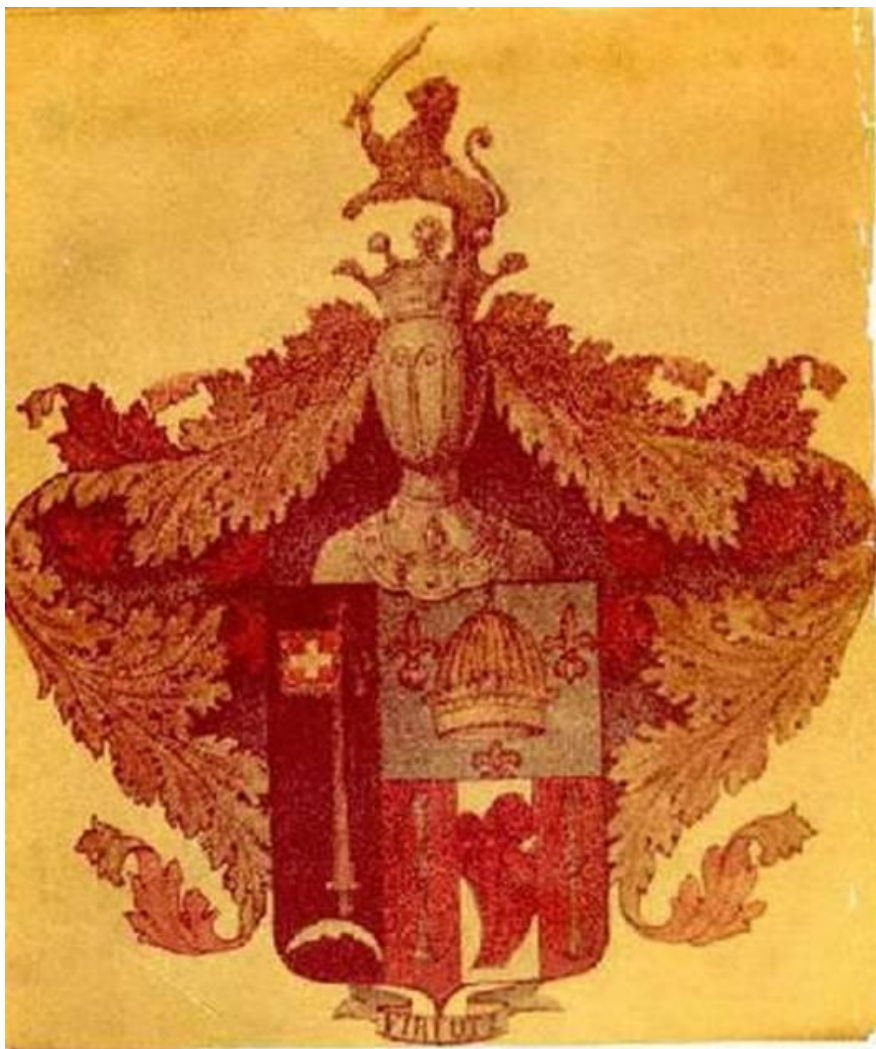
Жизнь, во всем ее многообразии, продолжается! Но неужели уже без нас? Получается, что так! Где Челищевы? Я последний правнук Михаила Николаевича Челищева. Однако о потомках других действительных Челищевых ничего не слышно. Моя дочь мало интересуется прошлым России, моя внучка не говорит по-русски. Где Хомяковы? Я последний правнук Алексея Степановича Хомякова. Где Грессеры? Я последний правнук Петра Аполлоновича Грессера. Где Чичерины? Я последний правнук Сергея Павловича Чичерина....

Моя ветвь генеалогического древа, уходящего корнями в Средние Века, отсохла и скоро буден полностью отсечена ножницами истории. И если раньше существовала какая-то преемственность, основанная на многочисленности потомства, наследуемой собственности, родословных документах, семейных преданиях, семейных традициях, семейных фотографиях..., то после катастрофических событий XX века в России эта преемственность времен безвозвратно утрачена. Фактически она была утрачена еще между нами и нашими родителями после Октябрьского переворота 1917 года.

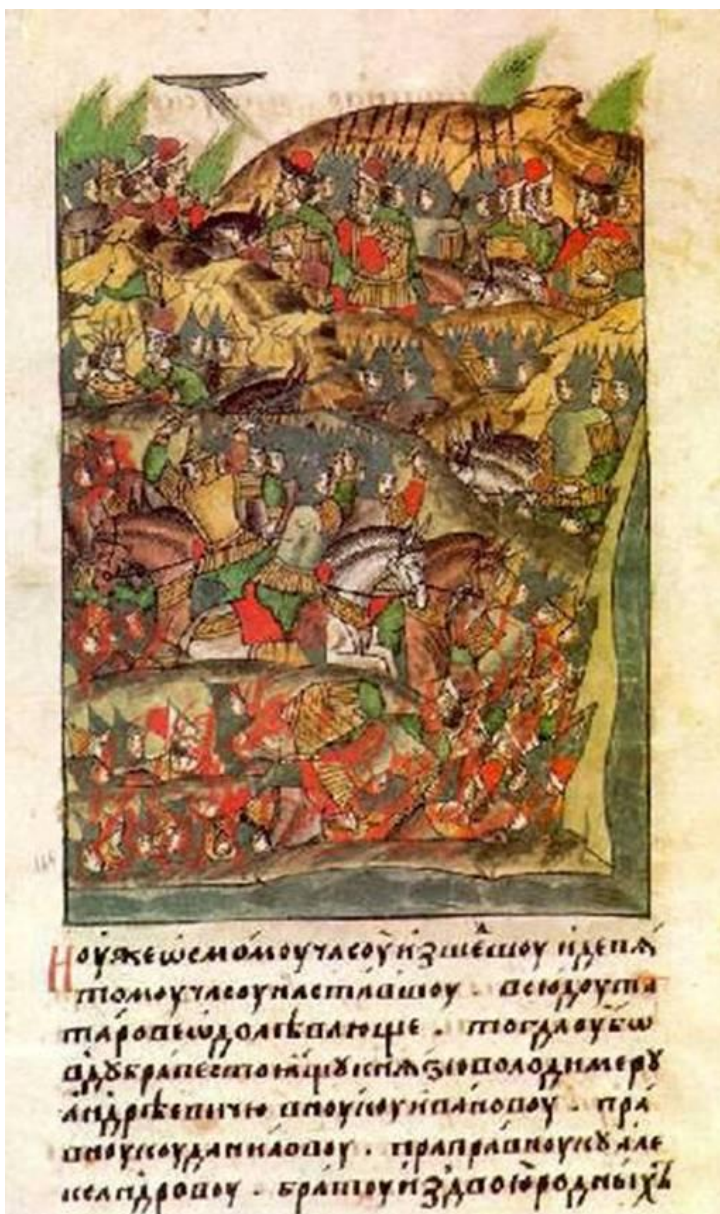
Мы привыкли сегодня концентрировать мысли, в первую очередь, на себе, на своих делах, на своей карьере, на своей жизни. Но если подумать о том, чем мы действительно были для наших родителей в их трудной и опасной жизни, начинаешь понимать, что они жили для нас, вкладывали в нас свою любовь, свои надежды. А мы этого не видели, не понимали, не чувствовали...!

АЛЬБОМ ФОТОГРАФИЙ

Я надеюсь, что читателю будет интересно увидеть лица людей, о которых упоминается в текстах. К сожалению, из прошлого уцелело не много фотографий, и сохранность их часто оставляет желать лучшего. На скольких стенах они провисели в годы бездомных скитаний моих родителей! Но, может быть, в этом есть и своя прелесть. В этой родословной галерее, кроме фотографий из семейных альбомов, приведено несколько современных фотографий, и моих, и моих родственников, а также портреты некоторых моих предков, найденные в музейных архивах и в Интернете.



Герб рода Челищевых, предков Вильгельма Люнебургского.



Фрагмент Лицевого свода с описанием Куликовской битвы. Упоминается о гибели М. А. Челищева (Бренко).



Николай Александрович Челищев, мой прапрадед.
Сенатор, член Государственного Совета, действительный тайный советник.



Мария Михайловна Челищева (Хованская), моя прапрабабушка.



Мой прадед Михаил Николаевич Челищев, тайный советник, гофмейстер, и моя прабабушка Екатерина Алексеевна Челищева (Хомякова).



Мой дед, Алексей Михайлович Челищев.



Мой дед с сыновьями Иваном и Федором.



Мария Михайловна Челищева (в замужестве Львова).
Сестра моего деда.



Дом Челищевых в Федяшеве (куплен у дочери Пушкина Марии Александровны, в качестве приданого для моей бабушки).



Архитектурный проект усадьбы барона Гартунга в Федяшеве.



Современные руины дома в Федяшеве (2009 г.).



Мария Александровна Гартунг (Пушкина), старшая дочь поэта.



Уголок бывшего парка с прудом. Лето 2011 г.



Руины бывшей конюшни. Лето 2011 г.



Бывшая школа селца Федяшево, построенная в 1880 г. при участии моей бабушки, О. А. Челищевой. Здесь временами преподавали сестры моего отца. Лето 2011 г.



Моя бабушка, Ольга Алексеевна Челищева (Хомякова) в Федяшеве.
(Уже после смерти мужа).



Моя бабушка, О. А. Челищева. Сергиев Посад, 1924 г.



Ильиничеико  въ Москвѣ.
на Кузнецкомъ Мосту.

Мой отец, одетый девочкой.



Мой отец, Федор Алексеевич Челищев. Гимназист.



Мой отец. Сергиев Посад, 1924 г.



Поместный собор Русской Православной Церкви, 1917-1918 гг.



Митрополит Петр (Полянский) и Патриарх Тихон, 1924 г.



Петр Владимирович Истомин (рисунок М. М. Осоргиной, 1922 г.)



Павел Борисович Мансуров (рисунок М. М. Осоргиной, 1923 г.)



Мой отец. В ссылке, 1927 г.



Мой отец. Норское, 1937 г.



Мой отец. Москва, Ноябрь 1941 г. (последняя фотография, на паспорт).



Сестра отца, тетя Катя, в Федяшеве. На женском седле. Лето 1917 г.



Сестра отца, тетя Маша (Бобринская). Москва, 1919 г.



Братья Бобринские (двоюродные братья моего отца). 1915 г.
В форме офицера Дикой дивизии Н. А. Бобринский.



Мой двоюродный брат, Н. Н. Бобринский.



Мой прадед, Алексей Степанович Хомяков, славянофил и поэт.



Моя прабабушка, Екатерина Михайловна Хомякова (Языкова).



Дмитрий Алексеевич Хомяков, сын А. С.
Писатель, церковный деятель.



Николай Алексеевич Хомяков, сын А. С.
Председатель 3-й Государственной Думы.



Усадьба А. С. Хомякова в Богучарове, сейчас музей (2010 г.).



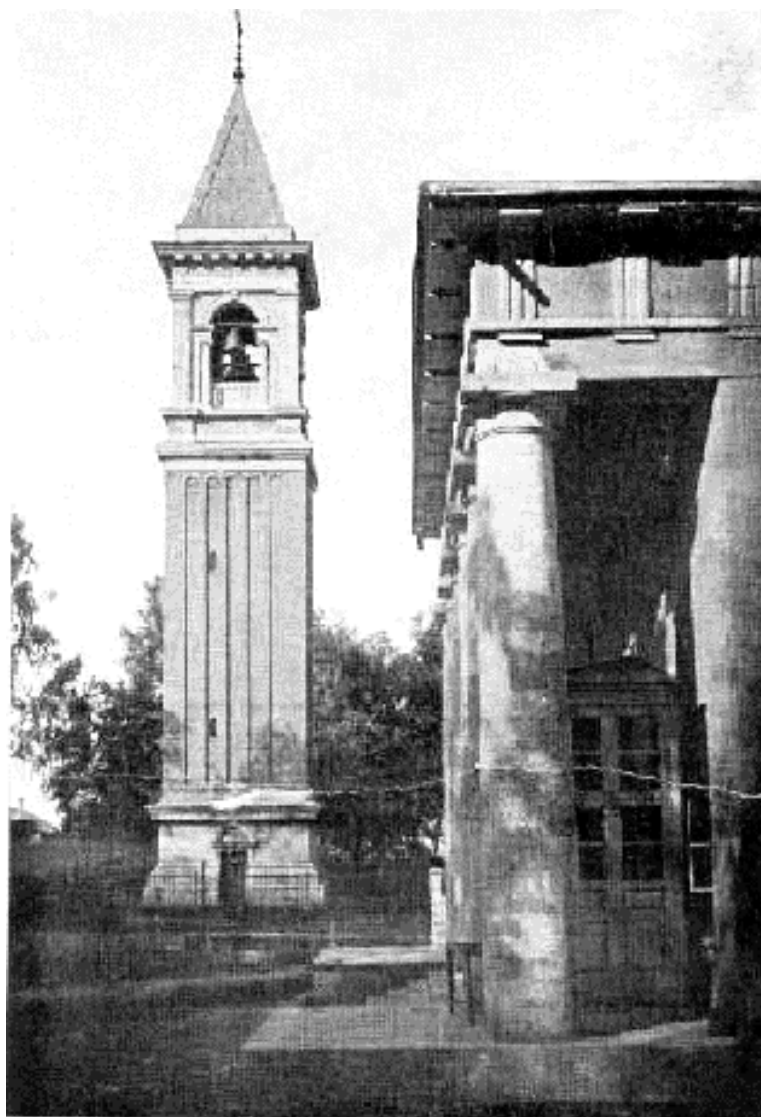
Дом А. С. Хомякова на Собачьей площадке в Москве.
Снесен при прокладке Нового Арбата.



Бывший дом Хомяковых в Москве, на Петровке (2009 г.)



Храм Сретения Господня в Богучарове, родовом имени А. С. Хомякова. Построен на средства родителей А. С. в ознаменование победы в Отечественной войне 1812 года.



Колокольня при церкви в Богучарове.
Построена на средства Д. А. Хомякова, сына А. С.



Дача Хомяковых в Кисловодске.
Здесь бывало не только старшее поколение, но и мой отец, и сестры.



Бывшая Дача Хомяковых в наши дни (2007 г.).



Мой прадед, Петр Аполлонович Грессер, генерал лейтенант.
Градоначальник Санкт-Петербурга с 1883 по 1892 г.



Мой прадед, П. А. Грессер с женой.



Моя прабабушка, Надежда Петровна Грессер (Палибина) с сыном.



Мой дед, Александр Петрович Грессер. 1892 г.
Выпускник Пажеского корпуса, корнет лейб-гвардии Конного полка.



Мой дед, А. П. Грессер.



Мой дед А. П. Грессер. Вырезка из газеты Омского университета за 1929 г.



Мой дед, А. П. Грессер. Последняя фотография, Москва.



Генерал-фельдмаршал Петр Александрович Румянцев-Задунайский.



Екатерина Михайловна Румянцева (Голицына).



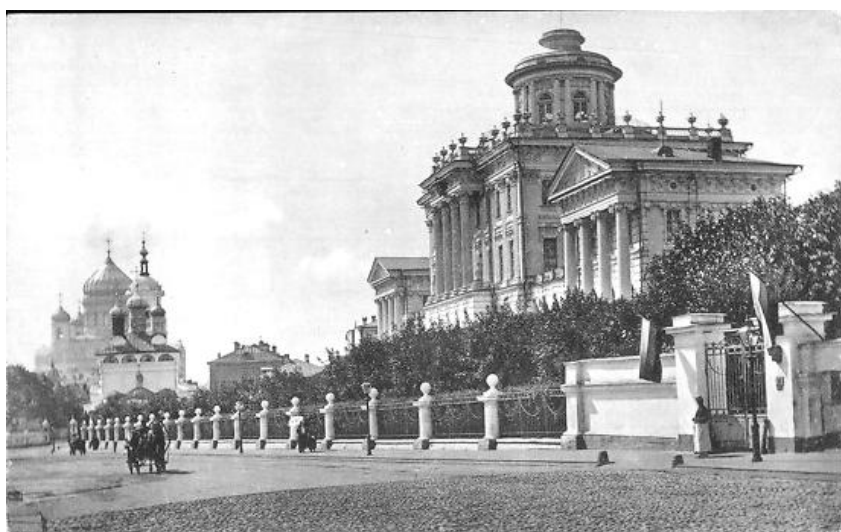
Сергей Петрович Румянцев.
Прапрадед моей бабушки Надежды Сергеевны Чичериной.



Варвара Сергеевна Голицына (Румянцева).
Прабабушка Надежды Сергеевны Чичериной.



Санкт-Петербург, Английская набережная с домом Румянцевых (в центре). С 1831 года, до перемещения в Москву, здесь размещался Румянцевский музей. Гравюра конца 18 века.



Москва, Дом Пашковых, Румянцевский музей. Фото конца 19 века.



Петр Александрович Чичерин, генерал от кавалерии.
Прадед моей бабушки Надежды Сергеевны Чичериной



Александра Алексеевна Чичерина (Куракина).
Прабабушка Надежды Сергеевны Чичериной.



Павел Петрович Чичерин, прадед моей матери. 1848 г.
В то время ротмистр лейб-гвардии Конного полка.



Ольга Павловна Чичерина (Голицына), прабабушка моей матери.
Уже после смерти мужа.



Сергей Павлович Чичерин, дед моей матери. Начало 1860 гг.
В то время юнкер.



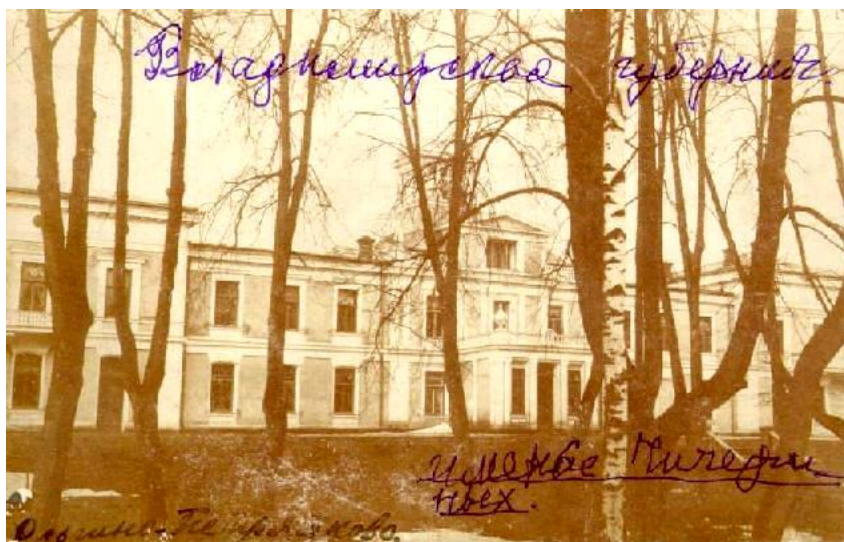
"Молеб в Конногвардейском манеже", картина О. Г. Узинга, конец 1870 гг. В центре Император Александр II и Великие князья. Перед строем, второй слева С. П. Чичерин.



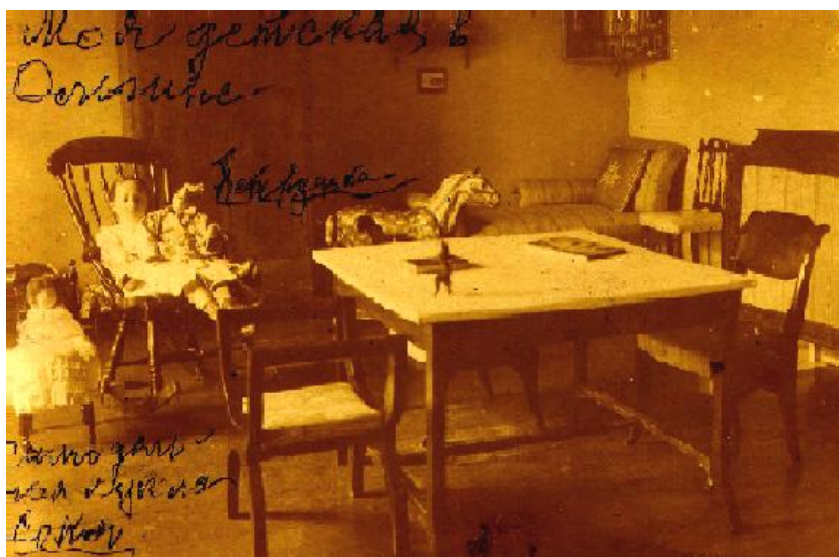
Фрагмент той же картины. На переднем плане Сергей Павлович Чичерин, дед моей матери. В то время полковник, старший штаб-офицер лейб-гвардии Конного полка, флигель-адъютант.



Александра Николаевна Кеммерер, бабушка моей матери, известная петербургская балерина.



Имение Румянцевых, Чичериных... Ольгино (Петрятково).



Ольгино, детская комната моей матери. В руках любимый Петрушка, рядом на стульчике самодельная кукла Соня.

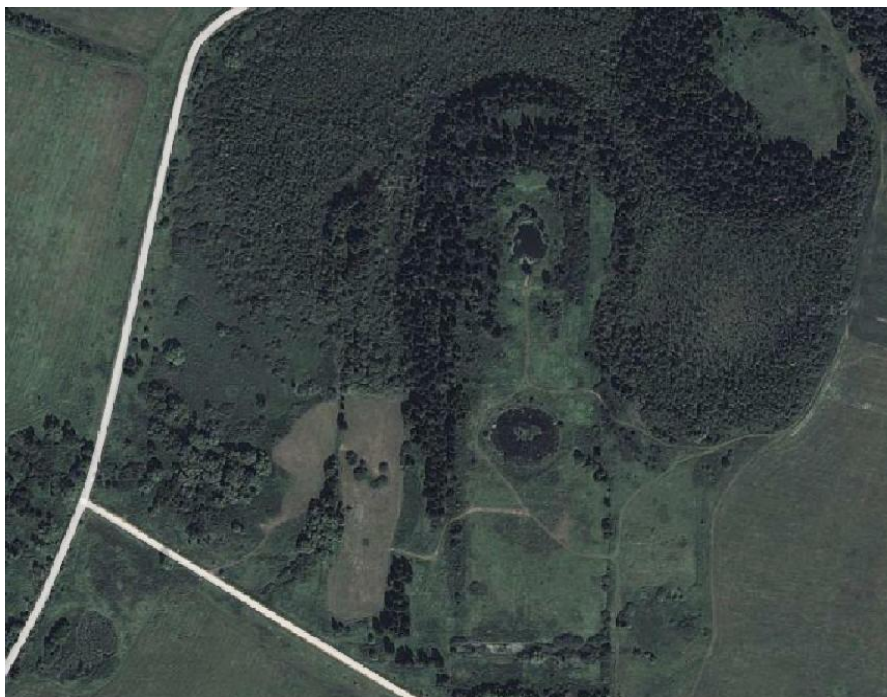


Ольгино, интерьер.



Ольгино, интерьер (детали).

На правой стене портрет Петра Александровича Чичерина.



Территория бывшего имения Ольгино сегодня (Заказник "Ольгина мыза"). Вид из космоса.



Моя бабушка, Надежда Сергеевна Чичерина со своим братом Тихоном Сергеевичем. (Еще до замужества.)



Моя бабушка, Н. С. Чичерина перед свадьбой.



Моя бабушка, Н. С. Грессер (Чичерина).



Любовь Сергеевна Васильева (Чичерина), младшая сестра моей бабушки.



Моя мать. Первая поездка в Москву, 1902 г.



Моя мать. Москва, 1904 г. Перед отъездом в Великобританию.



Кармартхен, Уэльс. 1905 г.



Кидвелли Кастр, Уэльс. 1905 г.



Моя мать. В имении Булыгиных под Владимиром.



Моя мать, Ольга Александровна Грессер. Гимназистка.



Фотография В. Качалова с дарственной надписью для моей матери.



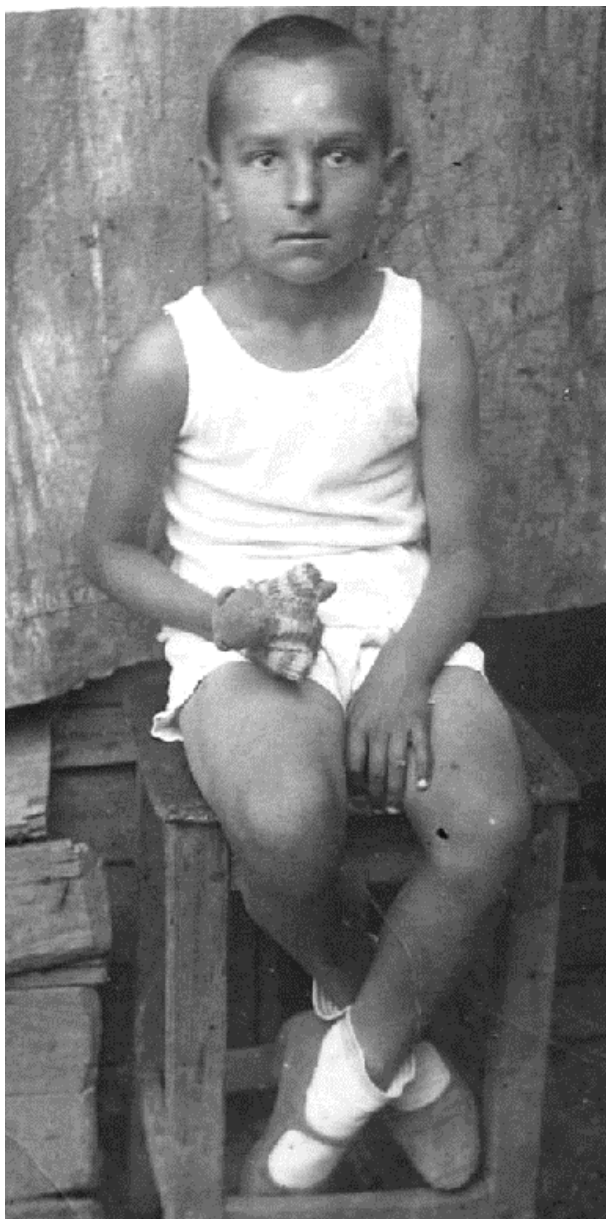
Моя мать и я. Муром, весна 1934 г.



Отец Сергей (Сидоров), начало 30-х годов.
Мой крестный отец.



Я, Муром, лето 1934 г.



Я, дошкольник. Мытищи, 1939 г.



Я, ученик Хотьковской средней школы, 1949 г.



Я, Николай Федорович Челищев, студент МГРИ, 1953 г.



Портрет Н. Ф. Челищева, работы художника С. А. Тутунова. 1964г.



Встреча товарищей по Хотьковской средней школе. Сева Волков (внук В. С. Мамонтова), я, Толя Пудов, Лева Казанский. Абрамцево, 1968 г.



Я, с грузинскими друзьями - цеолитчиками. Поют! Тбилиси, 1973 г.



Я, на совещании по природным цеолитам в США (Айдахо), 1992 г.



Я, Берлин, лето 1993 г.



Я, Лондон, лето 2003 г.



Я, Лондон, лето 2013 г. (PC камера.)



Мое жилище в Лондоне. Лето 2012 г.



Другой ракурс дома. Лето 2013 г.
За 20 лет деревья выросли раза в полтора.



Три поколения Челищевых на отдыхе, осень 2000 г.



Моя дочь, Ольга Лесёрф (О. Н. Челищева), Берлин, лето 1993 г.



Моя внучка, Чарли (Шарлотта Анастасия). 20 июня 1997 г.



Моя внучка, в школьной форме, 2002 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В контексте дореволюционной истории России, лица собранных в альбоме людей - персонажи этой истории. Поэтому я рассматриваю приведенные выше родословные сведения не как чисто личный интерес, но и как страничку общей истории России. Мы видим здесь, как люди разных стран приняли российское подданство и православную веру, и стали подлинными служителями своей новой Родины.

Приходится признать, что Октябрьский переворот 1917 год прервал плавное течение нарастающего исторического потока. Те, кто веками трудился над созданием могущества и величия России, в одночасье превратились во "врагов народа". И это не только дворянство, но и купечество, офицерство, чиновничество, духовенство, казачество, зажиточное крестьянство...!

Может быть, я и ошибся с названием книги "ПРОШЛОЕ БЕЗ БУДУЩЕГО", но это ощущение, что Россию предали и в 1917 году, и в 1991 не покидает меня. Действительно, это большевики, во главе с Лениным, превратили Единую и Неделимую Российскую Империю в конфедеративный Союз Советских Социалистических Республик, державшийся только на партийном каркасе. В союзных республиках, сразу после проведения ленинской "Коренизации", русские жители оказались "некоренным населением", там где они жили из поколения в поколение, и там, где они составляли численное большинство. А "либерал-большевики", во главе с Ельциным, углубили (почти чуть не завершили!) этот разрушительный раздел единой страны на искусственные национальные вотчины.

Но жизнь продолжается! И сейчас чрезвычайно важно помочь новым поколениям русских людей сохранить память и любовь к России на всех этапах ее исторического развития от крещения Руси князем Владимиром и Куликовской битвы, до взятия Париж и Берлина, и полета Гагарина а космос. Возвращение Крыма в состав России может и должно стать переломным моментом на пути возрождения страны как сильного, суверенного и самодостаточного государства, за которое веками сражались и умирали наши предки!

Альбом фамильных фотографий и озвученные мной стихи отца, собственные двестишья и песни, которые мы пели, размещены на моем сайте: <https://nicktchel.net>

ПРОШЛОЕ БЕЗ БУДУЩЕГО

Вниманию читателя предлагаются материалы к прошлому моих родителей и их предков. Мне удалось собрать достоверные сведения о своих предках, положенные в основу подробных родословных таблиц, комментариев, и альбома портретов и фотографий основных персонажей этого исследования. Открылись не только впечатляющие картины жизни отдельных семейств, но и историческая панорама прошлого, где действующими лицами выступали мои предки.

ISBN: 978-1-910181-16-4

